

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

1816^й ГОДЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Мѣсяцъ Апрель.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи,

1816.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Харьковскомъ Университетѣ Цензурный
Комитетъ, основываясь на донесеніи чи-
тавшаго сѣ сочиненіе Профессора Ивана
Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ
съ тѣмъ, что бы по напечатаніи, до вы-
пуска въ Публику, представлены были въ
Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
для Цензурнаго Комитета, два для Депар-
тамента Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Биб-
ліотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ
Академіи Наукъ. Марта 25 дня 1816 года.

Деканъ Гавріиль Успенскій.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

К
ЗВ

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Гетманъ Хмѣльницкій.

(Продолженіе).

Хмѣльницкій началъ давать худое понятіе о семъ Господарѣ Министрамъ Порты; внушая имъ, что онъ втайнѣ былъ ея врагомъ и въ союзѣ съ Польшею, которая въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ знала намѣренія Турковъ и Ташаръ. Сіи Министры увѣрили Хмѣльницкаго въ покровительствѣ Султана, который обѣщался пожаловать ему Малороссію, какъ помѣстье Опшоманской Имперіи и побуждалъ его къ исполненію своихъ предпріяній противъ Молдавскаго Господаря.

При семъ замыслѣ Хмѣльницкій велъ себя съ великимъ искусствомъ и скрытностію. Онъ заставилъ Ташаръ начать войну и

дасть имъ въ помощь только четыре тысячи Козаковъ. Для большей скрытности и что бы лучше обмануть наблюдателей. — Ханъ послалъ къ Хмѣльницкому Депутатовъ, — благодарить его за вспоможеніе, оказанное ему въ войнѣ противъ Черкесовъ и просить его, что бы онъ ему помогъ снова; потому что онъ намѣренъ былъ вступить въ Россію для отмщенія обидъ, которыя, по словамъ его, нанесъ ему Царь. Такимъ образомъ всѣ со-сѣдніе Государи были увѣрены, что Татары готовились воевать съ Россією. Молдавскій Господарь, какъ и другіе, остался въ совершенной безопасности; но его вскорѣ наказали за излишнюю довѣренность: онъ окруженъ былъ многочисленнымъ войскомъ Татаръ, сопровождаемыхъ четырью тысячами козаковъ. Въ такой непредвидѣнной бѣдѣ онъ ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ поскорѣе удалиться съ своимъ семействомъ въ лѣса около Яссы—своей Столицы. Тамъ онъ людямъ, сколько могъ съ собою взять, велѣлъ нарубить лѣсу и здѣлать изъ него родъ шанцевъ. Онъ ошдѣлался отъ всего,

давши дватцать тысячъ дукатовъ Тап-
рамъ и отдавъ свою дочь Тимофеею, сыну
Хмѣльницкаго.

Сіе недовольное предпріятіе со стороны
Козаковъ не преставало беспокоить Поль-
шу; къ тому же еще и другія причины
тревожили ее. Крестыане Украинскіе, под-
крѣпляемые Запорожскими Козаками, не
хотѣли принимать Польскихъ дворянъ,
покушавшихся занять земли, нѣкогда быв-
шія въ ихъ владѣніи. Они худо поступали
съ ними и даже умерщвляли всѣхъ, сколь-
ко ихъ ни появлялось. Такое поведеніе
нѣмало съ покушеніемъ на Молдавію, по-
будило Польскаго Короля и республику
послать въ Каменецъ Генерала Потоц-
каго, возвратившагося вьнедавнѣ изъ Ташар-
ской темницы, съ многочисленнымъ кор-
пусомъ войскъ.

Хмѣльницкій, встревоженный симъ дви-
женіемъ, послалъ одного изъ своихъ офи-
церовъ къ Генералу Потоцкому извѣ-
стить его, сколь странно для него было
приближеніе Польскихъ войскъ въ такое
время, когда республика наслаждалась
глубочайшею тишиною; присовокупляя

что у него въ разпоряженіи сильное Козацкое войско, — естли нужно будетъ защищать границы. Генераль упрекаль депутата въ томъ, что Козаки нарушили миръ, худо обошлись съ дворянами и воевали, по желанію Хмѣльницкаго, съ Господаремъ Молдавскимъ, безъ вѣдома республики; наконецъ прибавиль, что ему нельзя отступить безъ Королевскаго повелѣнія.

Сей отвѣтъ не понравился депутату Хмѣльницкаго; онъ изъявилъ Генералу Польскому, что и Гетманъ его не болѣе тѣмъ останется доволенъ; и даже въ рѣчь свою вмѣшалъ нѣсколько неприязненныхъ предложеній. Но поелику намѣреніе — укрѣпиться покровительствомъ Порты, или Россіи еще не было исполнено; то Хмѣльницкій избѣгалъ всякаго случая къ разрыву.

Между тѣмъ худо принятыя въ Украинѣ Дворяне Польскіе, коихъ главою былъ Князь Вышневецкій, безпрестанно жаловались Королю и сей Государь нашелся принужденнымъ писать къ Хмѣльницкому, упрекая его въ походѣ на Молдавію и

въ обидахъ, кои ежедневно были причиняемы Польскимъ дворянамъ въ Украинѣ. Онъ приказалъ ему поставить Запорожскую армію на ея квартиры и наказать крестьянъ, вооружавшихся противъ своихъ господъ. Хмѣльницкій принялъ сіе письмо съ изъявленіемъ величайшаго почтенія и обѣщался удовлетворить во всемъ; но все это онъ вѣлъ очень медленно. Онъ видѣлъ, что ему нельзя было въ шомъ успѣть; потому что козаки были въ крайнемъ негодованіи на Короля, который отнималъ у нихъ лучшія земли и давалъ ихъ Полякамъ, — и потому онъ занялся только собственною безопасностію и обезпеченіемъ страны своей. Тутъ старался онъ еще болѣе, нежели когда нибудь, войти въ тѣснѣйшую связь съ Турками и Царемъ Россійскимъ. Последняя казалась ему и выгоднѣе и безопаснѣе, нежели связь съ Султаномъ, по причинѣ одинаковости вѣры у Русскихъ съ Козаками.

Поляки, узнавшіе отъ сосѣднихъ Князей о непрерывномъ сношеніи Хмѣльницкаго съ Турками и Россіянами, побудили Короля созвать общій сеймъ, кото-

рый и собрался къ концу 1650 года. Король изложилъ поведеніе Хмѣльницкаго и Козаковъ, — презрѣніе, которое оказывали они ему и республикѣ, — насилія учиненныя ими Польскимъ дворянамъ, — наконецъ стараніе Гетмана ихъ умножить свои силы союзомъ съ Турками и Татарами. Онъ представилъ также, что Гетманъ Козацкій могъ собрать въ самомъ скоромъ времени восемьдесятъ тысячъ войска, утверждая при томъ, что всякой козакъ могъ имѣть при себѣ двухъ слугъ — пѣшаго и коннаго и еще одного для работы. Нѣкоторые изъ членовъ сего собранія, много потерпѣвшіе въ послѣднюю войну, клонились къ миру, говоря, — что силы Королевства слишкомъ ослаблены. Между тѣмъ самая большая часть хотѣла войны. Въ то время, какъ они такимъ образомъ спорили, козаки послали на сеймъ депутатовъ съ требованіемъ — уничтожить соединеніе Греческихъ Католиковъ съ Римскими, такъ какъ это было постановлено одною изъ статей Зборовскаго мира, — чтобы Хмѣльницкій осмѣлся владѣть елемъ страны около Днѣпра; чтобы

впредь ни одинъ Польской дворянинъ не имѣлъ власти надъ поселянами сей страны; чтобы дворяне, которымъ бы вздумалось остаться тамъ, обязаны были работать, какъ крестьяне; чтобы девять Епископовъ поклялись въ полномъ Сенатѣ заставить сохранять сѣи статьи; что бы для безопасности отдали заложниками Хмѣльницкому четырехъ воеводъ, по его выбору, и что на сихъ условіяхъ Хмѣльницкій обязался бы платить ежегодно милліонъ флориновъ: естлиже король Польскій и республика отвергнутъ сѣе предложеніе; то Хмѣльницкій требовалъ, что бы Козакамъ дали такую землю, гдѣ бы они могли жить, не имѣя никакого сообщенія съ Поляками; что бы его Величество и двенадцать главныхъ Сенаторовъ поклялись на всегда сохранять миръ Зборовскій; что бы, для большей безопасности, трое изъ сихъ Сенаторовъ остались заложниками въ рукахъ Гешмана и наконецъ, что бы не соединять Греческихъ Католиковъ съ Римскими.

Такія предложенія конечно не для того были сдѣланы, чтобы продлить

миръ; они и шѣкъ, кои желали мира, побудили вмѣстѣ съ другими требовать войны. Итакъ единодушно положили — воевать. А что бы выгоднѣе вести войну; опредѣлили сдѣлать наборъ 50,000 чело-вѣкъ и требовать отъ Брандебургскаго Курфюрста войско, которое онъ обязался практатомъ въ случаѣ нужды давать Польшѣ—какъ союзницѣ Пруссіи. Войско сіе, спустя нѣсколько времени, пришло подъ командою Генерала Валрода. На сеймѣ предложили также начать войну прежде весны; дабы такимъ образомъ не дать Козакамъ приготовиться и чтобы удобнѣе сойтися съ ними до разтаянія болотъ и разлива рѣкъ, чѣмъ обыкновенно они защищаются въ своихъ маршахъ и станахъ, и чтобы выиграть передъ ними какую нибудь выгоду, или и совершенно разбить ихъ прежде, нежели помогли бы имъ Турки и Татары; первые не пошли бы по непривычкѣ къ холоду; а другіе по невозможности найти зимою довольно корму для лошадей. Но вышло не такъ; потому что войска, коихъ наборъ былъ опредѣленъ сеймомъ, собрались

очень не скоро. Между тѣмъ Король послалъ Калиновскаго защищать границы отъ нападенія Козаковъ въ случаѣ, если бы они войну предпочли миру, кошорый рѣшено было предложить имъ, дабы выиграть время, до срока Зборовскаго трактата. Хмѣльницкій любилъ лучше предварять, нежели быть предвареннымъ; и потому онъ началъ неприязненныя дѣйствія на границѣ. Нечай, одинъ изъ его Генераловъ, у котораго подъ командою было три тысячи человекъ, всю ту страну предалъ огню и мечу; онъ въ присутствіи одного Турецкаго посланнаго умертвилъ депутатовъ воеводы Браславскаго; но потомъ же Нечай, прогнанный войскомъ сего воеводы и Калиновскаго даже къ Красному Ставу, погибъ тамъ со всѣми при немъ бывшими.

Потомъ Хмѣльницкій послалъ Богуна, другаго Генерала, вопрошивающаго Калиновскаго, сей овладѣлъ городомъ Винницею на Бугѣ; но Поляки, съ большимъ трудомъ перешедшіе чрезъ сѣю рѣку, осадили замокъ и взяли его приступомъ. Они хотѣли было преслѣдовать Козаковъ; и пуш-

подоспѣли полки Чигиринскій, Прилуцкій, Любецкій и Браславскій, каждый изъ двухъ тысячъ человекъ. Калиновскій выступилъ изъ города, оставивши тамъ нѣсколько войска, служителей и обозъ. Онъ приготовилъ своихъ солдатъ къ сраженію на ближнемъ полѣ. Въ это время страхъ обухалъ войскомъ, оставшимся въ Винницѣ; оно грабитъ обозъ и оставляетъ городъ. Тутъ козаки тѣснятъ Польскую армію и принуждаютъ ее отступитъ въ безпорядкѣ подъ пушки Бара съ потерей четырехъ тысячъ человекъ и артиллеріи.

Сей уронъ побудилъ Короля, который отправился было на поклоненіе въ Зуровицу — мѣсто богомоля въ Литвѣ, поспѣшить на границу. Генералъ Потоцкій собиралъ свои войска близъ Сокала. Сей узналъ въ Люблинѣ о вторженіи козакъ въ Подолію и о связи ихъ съ Портою. Объ этомъ сообщилъ ему посланникъ Императора при семъ дворѣ.

Калиновскій отступилъ отъ Бара къ Каменцу; онъ получилъ приказаніе тотчасъ соединиться съ большою арміею. Оставивши въ семъ мѣстѣ — для Польши

столь важномъ — достаточный гарнизонъ для защиты, онъ долгомъ почелъ исполнить сіе приказаніе. Его преслѣдовали и иѣснили 18 тысячъ Козаковъ и 2 тысячи Татаръ. Прочее Козацкое войско, состоявшее изъ 60,000 человекъ, рѣшилось напасть на Каменецъ, хотя безъ приказанія Хмѣльницкаго. Сіе войско на переходѣ своемъ взяло одинъ замокъ, гдѣ нашло оно значительную добычу. Потомъ оно нѣсколько разъ подступало къ Каменцу; но всегда было отражаемо. Хмѣльницкій, узнавши о покушеніяхъ и неудачѣ своихъ войскъ, приказалъ имъ отступить. Войска преслѣдовавшія Калиновскаго много у него побили людей въ сраженіи происходившемъ близъ Зборова 14 Маія, 1651. Полкъ Собіескаго не мало потерпѣлъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ такъ же и козаки съ своей стороны потеряли множество рядовыхъ, а сверхъ того Полковника и Мурзу.

Калиновскій по причинѣ худыхъ дорогъ и непрестанныхъ потерь принужденъ былъ бросить свои повозки; но что бы это иѣкоторымъ образомъ вознаградить и по крайней мѣрѣ увеличить свою

армію въ глазахъ непріятеля, онъ приказалъ армейскимъ служителямъ сѣсть на лошадей, взятыхъ отъ повозокъ. Наконецъ, испытавши множество нападеній, неудобствъ и всякаго рода безпокойствъ, онъ соединился съ большою арміею въ концѣ Мая.

Войска, собранныя на щетъ республики и помѣщиковъ, прибыли со всѣхъ сторонъ на сборное мѣсто. Бывшихъ на иждивеніи республики щипалось десять тысячъ; а всѣхъ вмѣстѣ съ дворянскими было до 80 тысячъ человекъ, кромѣ служителей, которыхъ такъ же было не малое число.

Поелику столь большая армія не могла долѣе оставаться въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не чувствуя недостатка въ сѣстныхъ припасахъ; то и разсудилось Королю поскорѣе употребить ее въ дѣло. Составили военный совѣтъ, продолжавшійся цѣлую ночь. Въ немъ много спорили касательно способа, какъ напасть на Козаковъ и наконецъ было рѣшено — взять крашчайшій путь, что бы итти на нихъ.

Іюня 15 Король выступилъ къ Берестечку съ войсками своими и присланными къ нему отъ Курфирста Бранденбургскаго. Лучшими онъ самъ командовалъ; а другіе были подъ начальствомъ значнѣйшихъ Генераловъ.

Дорогою узнали отъ салдата, оставившаго Козацкую армію, что Хмѣльницкій уѣхалъ изъ стана расположеннаго между Збаражемъ и Вышневицкомъ, на встрѣчу Хана, котораго онъ ожидалъ съ неперпѣніемъ. Хмѣльницкій просилъ у Хана помощи, не полагаясь совершенно на свои силы, хотя и собралъ онъ чрезвычайное множество крестьянъ, кромѣ полковыхъ козаковъ; но съ Ханомъ было только шесть тысячъ Татаръ.

Король, прибывши къ Берестечку расположилъ свой станъ близъ сего города вдоль рѣки Спира и отрядилъ три тысячи конницы для открытія непріятеля. Вскорѣ узнали отъ пѣвиныхъ, что Ханъ пришелъ къ Хмѣльницкому съ многочисленнымъ войскомъ и что они отправили партизановъ, дабы узнать состояніе Польской арміи и мѣста, на которыхъ она

разположилась. По сей причинѣ опредѣлено было оставить Бересчетекъ и податься къ Дубно. Войско начинало уже дефилировать; какъ вдругъ Князь Вышневецкій увѣдомилъ Короля, что Хмбляницкій и Ханъ поспѣшали къ арміи. Тутъ Король остановился и потянулъ опять войско на то мѣсто, которое оно только что оставило. Едва пришли шуда, какъ увидѣли, что вся армія Козаковъ и Татаръ приближается къ Пырянину, — деревнѣ въ пяти-стахъ шаговъ отъ Бересчетка.

Первые два дни, когда арміи находились въ виду, т. е. 27 и 28 Іюня, прошли въ перестрѣлкахъ, при которыхъ Татары и Поляки потеряли много людей. Поляки увидя, что непріятели ихъ старались продлить время, дабы по истощеніи всѣхъ съѣстныхъ припасовъ довести ихъ до крайности, — рѣшились дать сраженіе на другой день. Король провелъ ночь на молитвѣ и давая нужные приказы При наступленіи дня онъ поставилъ армію въ боевой порядокъ, чего не могъ

примѣнить непріятель по причинѣ густого тумана.

Наконецъ солнце, разогнавъ туманъ закрывавшій Польскую армію, явило ее передъ глазами непріятеля. Она состояла изъ трехъ сотъ тысячъ готовыхъ къ сраженію и столько занимала земли, сколько можно было объять взоромъ. Татары, занявшіе нѣкоторыя сосѣднія высоты, наполняли все пространство между ними, наподобіе полумѣсяца. По правую сторону у нихъ были Козаки, стоявшіе противъ лѣваго крыла Польской арміи и перемѣшанные съ нѣсколькими отрядами Татаръ. Цѣлое утро прошло въ легкихъ стычкахъ. Король думая, что Козаки намѣрены были въ продолженіе дня только занимать его, запретилъ солдатамъ сходить съ своихъ мѣстъ и приказалъ употребить все мосты, бывшіе на Сиги, чтобы не быть атаковану сзади.

Потомъ онъ велѣлъ начать сраженіе Князю Вышневецкому съ двенадцатью отрядами старыхъ войскъ, подкрѣпляемыхъ мешью воєводами. Козаки приняли ихъ

съ удивительною твердостію. Сраженіе длилось около часа и въ продолженіе сего времени дымъ и пыль скрывали Козацкія войска отъ Польскихъ. Когда сіи начали упомляться; то были подкрѣплены свѣжими войсками, посланными Королемъ и которые пробились сквозь Козаковъ. Тутъ Король подался съ корпусомъ на главную часть войска Татаръ и окружилъ ихъ. Но видя явную опасность, когда уже около него было убито три человѣка и ядро упало къ ногамъ его, онъ удалился съ сей высоты. Только наступившая ночь и быстрота лошадей спасли Татаръ. Они оставили множество сѣделъ, сабель, повозокъ, даже палатку и штандартъ ихъ Хана и его серебряный позолоченый барабанчикъ, которымъ сзывали особъ его свиты. Король, отрядивши различные корпуса конницы для переслѣдованія Татаръ, наступилъ на средину Козацкой арміи состоявшей болѣе, нежели изоста тысячъ человѣкъ и производившей безпрестанный огонь изъ сорока орудій.

Хмѣльницкій удалился съ Татарами, въ намѣреніи привести ихъ опять на

сраженіе; но ему не возможно было ничѣмъ убѣдить ихъ. Сверхъ того Ханъ наговорилъ ему множество грубостей и упрекалъ въ томъ, что онъ обманулъ его, скрывая настоящее положеніе Польской арміи. Онъ даже грозилъ послать его къ Королю Польскому въ замѣну мурзъ, имъ плѣненныхъ и не прежде опуститъ, какъ развѣ когда онъ пошлетъ приказаніе въ Чигиринъ выдать значительную сумму денегъ и часть добычи приобретенной имъ до того времени въ Польшѣ.

(Продолженіе впродъ).

---

*Историческія замѣчанія о Мало-
россіи отъ смерти Гетмана Бог-
дана Хмѣльницкаго до Пол-
тавскаго сраженія.*

О родина святая,
Какое сердце не дрожишь,
Тебя благословляя!

В. Жуковский.

Взглядъ на полвѣка протекшаго отъ
смерти незабвеннаго нашего Хмѣльниц-

каго до шѣхъ поръ, какъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ мощною рукою навсегда соединилъ два племена Рускія, — покажетъ намъ, сколь гибельно было для Малороссіи сіе время. Слабая между сильными должна была она прибѣгать къ которому либо сосѣду, чтобъ отражать другихъ; но безразсудство, недалководидность и своекорыстіе вождей часто ввергали ее въ величайшія бѣдствія. Хищныя орды Татарскія, на помощь призываемыя, разсыпались для грабежа по всему ея пространству; сильныя тогда Опшоманы заставили испытывать несчастныхъ жителей ея всѣ неисповѣства, ужасающія природу и воинственные Поляки снова угрожали ей порабощеніемъ.

Но слѣды чужеземнаго непріятели скорѣе исчезаютъ; поля, имъ опустошенныя, по изгнаніи его снова покрываются богатою жатвою; — вражда же и ненависть братьевъ, войны междоусобныя наносятъ вредъ почти неизцѣльный. Опустошеніе, внутреннимъ мятежемъ причиненное, ощутишельнѣе и долговременнѣе; тѣмъ болѣе, что взаимное подозрѣніе и

опасеніе препятствуютъ вознаградить потери.

Самое правленіе Малороссіи было гибельно для нея. Гетманы, имѣя въ рукахъ сильную власть и не надѣясь передать ее потомкамъ, не заботились о благѣ управляемой ими страны; они употребляли всѣ способы возвысить родственниковъ и друзей своихъ и обогатить ихъ на щель народа; мало взыскивали съ другихъ начальниковъ, отъ выбора которыхъ они зависѣли и произволъ коихъ часто лишалъ ихъ сего достоинства. При томъ всегда ли выборъ главы падалъ на достойнѣйшаго? Всегда ли отличная храбрость, испытанное благоразуміе и мудрая опытность имѣли преимущество? Случай, игра страстей и — можетъ быть подкупъ великъ сему высокому мѣсту. Многіе опыты насъ въ томъ увѣряють. Возводимые и свергаемые, они мстили врагамъ личнымъ, и гласъ любви къ Отечеству былъ заглушаемъ воплями войны междоусобной.

Словомъ, время сіе было самое несчастное для Малороссіи. Образъ ея правленія не соотвѣтствовалъ болѣе духу вре-

мени. Политическія отношенія сосѣдей требовали отъ нея непремѣннаго соединенія съ которымъ либо изъ нихъ. Но съ кѣмъ она могла выйдти соединиться, какъ не съ народомъ одного съ нею происхожденія, языка и вѣры? Оставляя гибельную мечту самостоятельной вольности, она приобрѣла постоянное щастіе; и благоденствіе ея съ шѣхъ поръ возрастало и возрастаетъ подъ сильною державою Великихъ Монарховъ.

Едва успокоившаяся Малороссія подъ правленіемъ Гетмана Богдана Хмѣльницкаго начала возвращать истощенныя силы свои, какъ смерть сего великаго мужа повергла ее въ новыя бѣдствія. Признательность и любовь народа возвели еще при жизни его въ наслѣдники сего высокаго достоинства сына его Юрія. Но къ сожалѣнію здѣсь подтвердилась неприятная истинна, что не всегда съ славнымъ именемъ отца переходятъ великія дарованія къ дѣтямъ. Молодость, неопытность его и зависть другихъ содѣлали, что едва успѣлъ онъ получить власть надъ народомъ—привыкшимъ въ упра-

вленіе отца его видѣть въ своемъ вождѣ великаго человека, едва жезлъ правленія надъ народомъ воинственнымъ и возбуждаемымъ сосѣдными взаимно ревнующими націями изъ рукъ сильнаго мужа перешелъ въ слабые руки юноши, какъ страшныя междоусобныя брани возпали въ народѣ.

Юрій, отдавъ послѣдній долгъ отцу своему, скончавшемуся 1657 года Августа 15, или не полагаясь на силы свои, или желая еще испытать разположеніе народа, слагалъ съ себя достоинство Гетмана. Многіе изъ начальниковъ послѣдовали его примѣру, и народъ былъ въ недоумѣніи на что рѣшиться. Наконецъ опять единогласно провозгласили молодого Хмѣльницкаго Гетманомъ и только придали ему для совѣтовъ Обознаго Носача, Судью Григорія Лѣсницкаго и Генеральнаго писаря Ивана Виговскаго. Тогда же постановили, чтобы соединенный съ Хмѣльницкимъ узами родства Виговскій, выходя въ походъ, бралъ съ собою знаки достоинства Гетманскаго; а возвращаясь, отдавалъ бы ихъ ему; но хитрый Вигов-

скій, скрывая свои намѣренія, умѣлъ испросить позволеніе писаться въ походъ Гешманомъ войска Запорожскаго.

Итакъ Юрій Хмѣльницкій только именемъ былъ Гешманъ; Виговскій же, захвативши знаки онаго и казну, началъ вести тайные переговоры съ присланнымъ къ нему отъ Поляковъ Жегнинскимъ.

Полтавскій Полковникъ Пушкаръ довелъ (1658) до свѣденія Царя Алексѣя Михайловича умыслъ Виговскаго; для изслѣдованія сего присланъ былъ Бояринъ Богданъ Мамвѣвичъ Хитровъ. Но Виговскій умѣлъ такъ искусно скрыть настоящее положеніе дѣлъ и такъ очернить Хмѣльницкаго въ глазахъ Боярина, что сей именемъ Царя утвердилъ Виговскаго въ достоинствѣ Гешмана.

Пушкаръ, узнавъ о происшедшемъ, съ 20000 собранныхъ имъ Козаковъ выступилъ къ Переяславу прогнать Виговскаго; но Хитровъ, по настоянью сего, отпра-вился къ Пушкарю въ Лубны и принудилъ его возвратиться въ Полтаву. По видимому все утихло; но искра раздора тлѣлась подъ пепломъ.

Новый Гетманъ, чтобы лучше скрыть свои замыслы, въ тоже время извѣстили Царя, — что Поляки хотящъ уклониться отъ избранія его въ Короли (*); между тѣмъ какъ Поляки чрезъ посланниковъ утвердили Виговскаго Гетманомъ, предлагая ему многія выгодныя условія.

Виговскій не упустилъ изъ виду также усилившагося и внутри. Зная ненависть Пушкаря, послалъ онъ противъ него войска, кои избѣгая войны междоусобной, разошлись; другія, высланныя имъ, разбины были Пушкаремъ близъ Полтавы; а вспомогательныя Сербскія имѣли ту же участь близъ рѣчки Груня.

Поляки, собравшись въ эготъ годъ на Сеймъ въ Варшавѣ, и желая въ тогдашнемъ сомнительномъ своемъ положеніи привлечь Козаковъ, положили дать имъ великія преимущества. Свобода вѣроисповѣданія, позволеніе содержать 6000 войска, мѣсто въ Сенатѣ Митрополиту Кіевскому по Архіепископѣ Гнѣзненскомъ, пра-

---

(*) Извѣстно, что Царя Алексѣя Михайловича хотѣли избрать Королемъ Польскимъ.

во бѣшь свою монету, подчиненность лишь одному свободно избранному Гешману и множество другихъ выгоды были обѣщаны.

Виговскій, искавшій неограниченной власти, съ охотою склонился на сторону Поляковъ; и подкрѣпляемый ихъ и Татарскими войсками, не скрывалъ болѣе своихъ намѣреній.

Онъ учинилъ нападеніе прежде всѣхъ на Пушкаря. Сначала Пушкаръ привелъ въ безпорядокъ Козаковъ Виговскаго и захватилъ даже булаву Гешманскую; но въ свою очередь войсками Польскими и Татарскими былъ пораженъ: онъ, потерявъ сраженіе, вмѣстѣ лишился и жизни. Полтава была разграблена и сожжена.

Виговскій заключивши потомъ въ окопы сдавагося ему на капитуляцію въ Зѣньковѣ Наказнаго Гешмана Силку, отдалъ на разграбленіе Татарамъ Зѣньковъ, Веприкъ, Рашавку, Лютенку, Сорочинцы, Ковалевку, Обуховку, Барановку, Богачку, Уставицу, Ярески, Шишакъ, Бурки, Хомуецъ, Миргородъ, Безпальчики и многіе другіе мѣста; между тѣмъ, какъ дер-

жавшійся стороны его Полковникъ Нѣжинскій Григорій Гуляницкій, вторгшись въ то же время хитростію въ Гадячъ, началъ было грабить; но Козаки, засѣвши въ замкѣ, его оттуда выгнали.

Царь, извѣщенный о неприятельскихъ поступкахъ Виговскаго, отправилъ съ 2000 войскъ Князя Григорія Григоріевича Ромодановскаго, — съ которымъ соединились пограничные оставшіеся вѣрными Козацкіе полки подъ предводительствомъ Гепмана Ивана Беспалаго, Кошеваго Запорожскаго Барабаша и Есаула Вороника. Преслѣдуя Виговскаго сожгли они Лубны, Пыратинъ, Чернухи, Горошинъ и другіе; но жестокость зимы заставила Князя Ромодановскаго остановиться на зимнихъ квартирахъ въ Лохвицѣ, а Беспалаго въ Ромнѣ.

Виговскій новою улескою хотѣлъ поправить свои дѣла: онъ писалъ къ Царю Алексѣю Михайловичу, что никогда не возставалъ противъ него, что единственно усмиралъ своихъ противниковъ Пушкаря и прочихъ; а между тѣмъ со вспомогательными Татарскими и Польскими войсками спѣшилъ онъ на помощь къ

осажденному въ Коношопѣ (1659) Гуляницкому. Войска Россійскія подъ предводительствомъ Князей Трубецкаго и Ромодановскаго, по жестокомъ сраженіи, принуждены были отступить и Татары простерли набѣги свои далеко внутрь Россіи.

При сихъ обстоятеляхъ Юрій Хмѣльницкій вздумалъ опять присвоить себѣ несправедливо отнятое у него достоинство: онъ послалъ въ Сѣчь Запорожскую Ивана Брюхавецкаго принесть жалобу на Виговскаго.

Козаки, жившіе по Днѣпру, Бугу и въ другихъ мѣстахъ Украины,—видя, что Виговскій, оставивши сторону Россіи, присталъ къ Полякамъ; что разоряетъ самъ Малороссію и позволяетъ Татарамъ производить всѣ неистовства, соотчичей предастъ имъ въ рабство, Пушкаря и другихъ вѣрныхъ Государю умерщвляетъ, и только вредитъ своей отчизнѣ,—собрались въ Брацлавѣ для избранія новаго Гетмана: выборъ ихъ палъ снова на Хмѣльницкаго.

Виговскій, чтобы погасить пожаръ заранѣе,—оставя Татаръ поспѣшалъ къ Днѣ-

пру. Немеричъ и Сулима, старавшіеся о заключеніи съ Поляками союза, были умерщвлены; та же участь постигла бы и Виговскаго безъ защиты Поляковъ. Онъ принуждёнъ былъ сложить съ себя достоинство Гетмана, возвратить булаву и прочіе знаки Хмѣльницкому и бѣжать въ Польшу.

Юрій, видя слабость Польши, отпустилъ ея покровительство, — отпустилъ присланнаго къ нему отъ Короля Кастеляна Волынскаго; и Переяславскій Полковникъ Цюцюра, по его повелѣнію, выгналъ всѣхъ Поляковъ изъ Малороссіи.

Прибывъ въ Чигиринъ съ Кошевыми Запорожскимъ Сѣркою, отослалъ онъ отсюда жену Виговскаго къ мужу ея въ Польшу; и покоряся Царю, былъ утверждёнъ въ своемъ достоинствѣ присланнымъ туда Бояриномъ Княземъ Трубецкимъ.

Едва утвердился Хмѣльницкій по жителямъ обѣихъ сторонъ Днѣпра стеклись во множествѣ къ нему, какъ нѣкогда стекались они къ отцу его. Не вмѣстясь въ Малороссіи, заселяли они порожнія Великороссійскія земли; и по повелѣнію

Государя въ послѣдствіи были раздѣлены на пять полковъ, надъ коими поставлены Полковники въ Сумахъ, Ахтыркѣ, Харьковѣ, Изюмѣ и Рыбномъ или Острогожскѣ (1).

Въ 1660 году Хмѣльницкій, по волѣ Царя, вступилъ одною дорогою въ Польшу; а Бояринъ Василій Васильевичъ Шереметьевъ съ наказнымъ Гетманомъ Цюцюрою другою, положивъ соединиться при Львовѣ. Сначала причинили они великія опустошенія, особливо разбивши Короннаго Маршала близъ Дубно; но Поляки, заключивъ съ Шведами миръ, обратили всѣ силы свои противъ Рускихъ, — призвавъ на помощь и Ташаръ. Подъ Чудковымъ и Слободищами они сдѣлали нечаянное нападеніе. Хмѣльницкій, немогши одинъ противиться Полякамъ, присталъ къ ихъ сторонѣ; а Шереметьевъ, узнавъ невовремя ошибку, что раздѣлился съ

---

(1) Шекаповъ и Миллеръ въ своихъ словаряхъ, и Зябловскій въ Географіи Россійской Имперіи полагаютъ основаніе сихъ городовъ: Сумъ въ 1653 году, Ахтырки 1641, Харькова 1650, Изюма 1681 и Острогожска въ 1652.

Гетманомъ, — претерпѣвая голодь и жажду, соглашался выдать Цюцюру съ Козаками Татарами, возвративъ Полякамъ Кіевъ и на другія условія. Цюцюра, узнавъ сіе, пробился, хотя и не безъ потери, сквозь Татари; Шереметьевъ же не получая и послѣ того помощи опять находившагося въ Кіевѣ Князя Барятинскаго, сплался со всѣмъ корпусомъ въ плѣнь.

Ободренные сими успѣхами Поляки, овладѣли частію Малороссіи кромѣ полковъ Переяславскаго, Нѣжинскаго и Черниговскаго, защищаемыхъ храбрымъ Наказнымъ Гетманомъ Якимомъ Самкомъ. Онъ отразилъ всѣ нападенія Гуляницкаго и Поляковъ и успѣлъ, по совершенномъ очищеніи Украйны (1661), возвратить ее подъ власть Царя. — Хмѣльницкій съ приверженцами своими, также съ Поляками и Татарами, не успѣвъ приосаждать Переяслава, зимовалъ въ Нѣжинѣ; Татары же разоряли окрестности Стародуба, Мглина и даже Великороссійскихъ городовъ; но оставленные Хмѣльницкимъ и Ханомъ въ Кириловѣ войска истребле-

ны были Княземъ Ромодановскимъ и Самкомъ (1662 въ Генварѣ).

Послѣ чего Козаки, собравшись въ Козельцѣ, избрали Гетманомъ Самка. Достоинства сего искали также и другіе, особенно Полковникъ Нѣжинскій Васюта, — который оклеветалъ Самка при Дворѣ, употребивъ къ тому Епископа Мееодія, — и Иванъ Брюховецкій, преданный Хмѣльницкому и поддерживаемый Запорожцами.

Юрій Хмѣльницкій осадилъ съ 20000 Самка въ Переяславѣ; но услышавъ приближеніе Князя Ромодановскаго, отступилъ къ Каневу; однако еще на сей сторонѣ Днѣпра 18 Юля войска его Самкомъ и Ромодановскимъ были разбиты и въ Днѣпръ вогнаны, а самъ онъ съ трудомъ спасся въ городъ Черкасы.

Самко, оставивъ въ Каневѣ Полковника Лизогуба, отправился за Днѣпръ; а посланному въ то же время отъ Ромодановскаго Стольнику Приклонскому сдались Черкасы. Сей оставя тамъ Полковника Гамалѣя, пошелъ внизъ по Днѣпру до Бужина, куда слѣдовалъ и Ромодановскій по другой сторонѣ рѣки; но Приклонскій, шеснимый

возвратившимся съ новыми Ташарскими силами Хмѣльницкимъ, переправясь подъ прикрытіемъ артиллеріи Ромодановскаго, соединился съ симъ послѣднимъ; они принудили Хмѣльницкаго отступить къ Лубнамъ. Доведенный сими неудачами до отчаянія Хмѣльницкій отпекся отъ Гетманскаго достоинства въ пользу Тетери, и посвятился въ монахи. — (*)

М. Грибовскій.

(Продолженіе впрѣдъ).

Главное правило подражательной гармоніи слова.

Въ подражательной гармоніи каждое слово должно имѣть два значенія: а) означать свой предметъ; б) быть частию выводимой черты, кромѣ тѣхъ словъ, кои сами по себѣ звукоподражательны.

Объяснимъ это примѣромъ; вошь

(*) Монашество Юрія Хмѣльницкаго прѣуетъ до-сповѣдательскихъ доказательствъ: въ какомъ монастырѣ онъ посвятился? — При томъ же есть рукописи (по коимъ составлена спашья о Малой Россіи), въ коихъ имѣнно сказано, что Юрій Хмѣльницкій кончилъ жизнь въ Семибашенномъ Замкѣ. Прим. Издаш.

Вергиліемъ описанная Вулканова кузница:

*Ac veluti lentis Cyclopes fulmina massis
Cum properant, alii taurinis follibus auras
Accipiunt, redduntque: alii stridentia tingunt
Aera lacu; gemit impositis incudibus Aetna.
Illi inter sese magna vi brachia tollunt
In numentum, versant que tenaci forcipe ferrum.*

Въ первомъ стихѣ изображается *вытягиваніе* желѣза. Оно предполагаетъ относительную *мягкость* (ковкость) и *тягучесть*, имѣющую сходство съ *текучестью*; по чему здѣсь вы находите нужное количество главныхъ характеристикъ: твердости и плотности (*t, c*), мягкости (*m, v*), средняго состоянія (*n*), и наконецъ жидкости (*l*). Такъ *veluti* поддерживаетъ дѣйствіе слѣдующихъ за нимъ, не означая само по себѣ никакого предмета; по той же причинѣ сочинитель предпочтительно употребилъ прилагательное *lentis*. Самое *Cyclopes*, означая извѣстныхъ по Мифологіи уродовъ, не менѣе содѣйствуетъ къ выведенію черты; пусть *Cyclopes* (произносите, какъ угодно: *циклолесъ*, или *киклолесъ*) плянуша вмѣстѣ съ *veluti* и *lentis*. *Cum properant*, имѣя зыбшее значеніе *жидкости*, могло бы разширить верх-

нюю черту; почему оно отнесено Виргиліемъ въ другой стихъ и составляетъ переходъ къ выраженію дѣйствія раздувальныхъ мѣховъ, которое начинается съ *follibus*, слова очень хорошо выражающаго свой предметъ и поставленнаго въ приличномъ надежѣ. Вдыханіе мѣхами воздуха начинается съ *auras*, оно усиливается въ слѣдующемъ *acsi*, гдѣ особенно дѣйствуетъ сухая горланная *s, piunt* наполняетъ промежутокъ между вдыханіемъ и выдыханіемъ, подражательно выражаемымъ въ *redduntque*. Теперь съ *alii* начинается новая черта; въ *stridentia tingunt* выражается шипѣніе металла заспужаемаго въ водѣ; сіе шипѣніе, отъ сильного жара, въ *aeralasi* превращается въ совершенное хлокочаніе (произносите слишко оба слова: *aeralasi*). Стопъ Эпны отъ молотовыхъ ударовъ начинается въ самомъ словѣ *gemit*, усиливается въ *im|po|sitis* составляетъ промежутокъ между прежнимъ ударомъ и *in|ci|dibus* также есть промежутокъ, но несравненно больший, между симъ ударомъ и послѣднимъ отдающимъ въ *Aetna*. Послѣднія два стиха относятся къ кузне-

цамъ; они изображаютъ два различныя движенія: первый составленъ изъ спондеевъ, которые, оставляя мѣсто необходимому шолько для размѣра дактилю, даютъ чувствовать усилія Циклоповъ поднимающихъ молоты; второй, представляя соотвѣтственное поднятію и опусканію возвращеніе дактиля и спондея, удивительно выражаетъ, въ совокупности съ остальными, ловкое поворачиваніе щипцовъ, также поперебѣнное подниманье и опусканье молотовъ, кои поднимаются и падаютъ въ тактъ.

Можетъ быть я заблуждаюсь, и по словамъ одного безпристрастнаго друга, можетъ быть „нахожу доказательства моихъ положеній тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ,,; но, признаюсь, не могу противиться увлекающей меня прелести *Виргиліевыхъ* стиховъ. Если я въ самомъ дѣлѣ обманываюсь; то все еще столько люблю *Виргилія*, что не хочу вывести себя изъ сего приятнаго обмана.

Гонорскій.

Воспоминанія о Новгородѣ-Сѣвер-
скомѣ, посвященныя тамошнимъ
друзьямъ и Харьковскимъ
А. Ив. К—му, Ив. Ив.
Б—му.

O fortunatos nimium, ...
. . . . . quibus . . . . .
. . . . . *secura quies et nescia fallere vita* . . .
Non absunt *V. G. l. II v. 458, ff.*
Fortunatus et ille, Deos qui novit agrestes . . .
Georg. lib. 11 ver. 493

Приятны и скоротечны дни, про-
веденные нами въ нѣдрахъ дружества; но
еще сладостнѣе тѣ, кошорые мы провели
въ объятіяхъ родства! . . . . Щасливѣ,
кто путешествовалъ для образованія сер-
дца и ума; но сипократнѣе щасливѣе тотъ,
кто никогда не разставался съ тобою
священный — родительскій кровь! Какъ
тяжко спранничество, при недостаткѣ и
по неволѣ, между разнорзычными народа-
ми! Какъ горестно сиротство въ старо-
сти, въ удаленіи отъ отечественной стра-

ны, гдѣ мы покоились въ колыбели и гдѣ надѣялись покоиться — въ одной могилѣ съ любезными сердцу! Какъ прогашельна и восхитительна картина невинныхъ игръ и забавъ юности! Кто съ душевнымъ восторгомъ не воспоминаетъ о сихъ дняхъ радости и щастія? Для кого не дорого и не безцѣнно сіе время истинно-злапаго вѣка человѣческой жизни? Нѣжныя и прямо блаженныя воспоминанія! никакое щастіе съ вами сравниться не можетъ въ сладости и сердечномъ умиленіи. . . .

Старикъ, для котораго свѣтъ уже ничто и природа мертва, оживляется и проливаетъ сладкія слезы при воспоминаніи о ласкахъ матери! Небесныя воспоминанія! Такъ, вы заслуживаете сіе имя, чисты будучи и невинны. . . . Вы одни усыпаете и украшаете цвѣтами тернистый путь, ведущій дрожащаго и всѣми оставленнаго старца ко гробу, — въ желанный лучшій міръ, — гдѣ онъ надѣется вновь свидѣться съ первыми предмѣтами его любви, дружбы, благодарности и привязанности, — увидѣться съ тѣми, кои пріязню своею облегчали бремя сиротскаго со-

стоянїя его, въ продолженїи долговременнаго снрансшвованїя по трудной спезѣ жизни на чужой сторонѣ! . . .

Новгородъ - Сѣверскъ имѣеть мѣстоположеніе прелестное и достойное кисти искуснаго живописца, пламенныхъ воспоговъ юнаго пїипа — способнаго чувствоватъ красоту природы. Не бывъ ни тѣмъ, ни другимъ, — я довольствуюсь нѣсколькими слабыми чертами; увѣренъ будучи, — что читатели, меня знающіе извиняшь мои недостатки: чѣмъ богаты, тѣмъ и радъ. . . и какъ тому быть иначе? Хладная рука старости уже начала пестришь чело мое морщинами, и серебришь остатки волосъ на головѣ моей; слабыя искры прежняго огня едва лишь тлѣють въ охладѣвающимъ сердцѣ. Но какая въ томъ нужда? строки мои посвящаются снисходительному дружеству и благодарности; — а сїи чувства переживають въ насъ всѣ прочія, — и искренность замѣняетъ недостатокъ краснорѣчїя. Друзья, для коихъ я пишу, воззрятъ благосклонно на сїю малую жертву и простота моихъ выраженїй понравится имъ

болѣе, нежели всѣ цвѣтки распочаемые
пришворствомъ, лѣстью и хваспов-
ствомъ. Я не сообщу читателямъ полного
описанія Н. Сѣверска: сей трудъ принад-
лежитъ другимъ, а не мнѣ. Я даже не у-
помяну о времени построенія сего горо-
да, ниже о Сѣверскомъ Княженіи — играв-
шемъ весьма неважную ролю въ Россій-
ской Исторіи. Сколько такихъ, кои зна-
ютъ всѣ сіи подробности, лучше меня... и
я щажу шерифніе читателей, которыхъ бы
упомяну мое невѣденіе о народѣ, среди кото-
раго я жилъ. При томъ же для сего надобно
было бы рыться въ Н. Сѣверскихъ архивахъ,
коихъ по видимому тамъ нѣтъ, — или
прибѣгнуть къ толстымъ книгамъ, до ко-
торыхъ я уже неохотникъ — по причинѣ
старости. И почему знать, получилъ
ли бы я пользу отъ сего труда для себя
и для читателей? Я читалъ сочиненія пре-
ученыхъ мужей прошедшихъ вѣковъ о древ-
нихъ народахъ, диссертациі о уборныхъ
столикахъ Гречанокъ, Римлянокъ и проч.
Но къ чему послужило мнѣ это бесполезное
чтеніе? Ученые часто уподобляются раз-

нощикамъ, знающимъ въ большихъ городахъ всѣ дома; но невѣдающимъ того, что въ нихъ происходитъ; — или великой части людей, занимающихся болѣе дѣлами сосѣдовъ, нежели собственными своими. Я долго былъ и гордился быть — Афинскимъ и Римскимъ гражданиномъ; зналъ наизусть имена всѣхъ памятниковъ и всѣхъ отдѣленій сихъ уже давно не существующихъ городовъ; но я, къ стыду, не знаю и теперь именъ улицъ отечественнаго города, — произведеній, коими милосердное и благое Провидѣнiе надѣлило ту прекрасную землю, гдѣ я родился. Какая нужда знать, что стоилъ распущенный Царицею Клеопатрою въ укусѣ жемчугъ, и ею проглоченный за ужиномъ? Не лучше ли было бы, когда бы разумный наставникъ къ сему примѣру неслыханной роскоши и безумнаго мотовства, прибавилъ сѣ капельное нравоученiе: она пила потъ, слезы и кровь управляемыхъ и покоренныхъ ею народовъ? . . . Почему знать не подѣйствовало бы такое нравоученiе надъ какимъ нибудь кровопійцею, завоевателемъ, или опустошителемъ вселенной? И кто вели-

кодушнѣе и умнѣе, — тѣ ли, кои превозносили тогда похвалами безумное дѣло Египетской Царицы, — или Греческой Ораторъ, имѣвшій тогда благородную смѣлость сказать грозному Марку Антонію — требовавшему скорой уплаты контрибуціи, наложенной на Грековъ:; — естли ты получилъ требуемое, — по требуй отчета отъ своихъ сборщиковъ; естлижъ еще не получилъ, — то мы погибли., Каждой вѣкъ имѣетъ свойственный ему духъ отъ различнаго направленія умовъ; и часто мнимое приращеніе просвѣщенія состоить въ томъ, что послѣдующій вѣкъ смѣется надъ предшествовавшимъ ему. Преемники подвергнутся, можетъ быть, такому же жребію, каковому подверглись предшественники; неблагоприятные ученики посмѣются надъ учителями: *но сила истины непобѣдима!*

Нѣтъ въ Н. Сѣверскѣ развалинъ, свидѣтельствующихъ о прежнемъ величій сего города; нѣтъ ни какихъ преданій! — Желаніе узнать мѣсто, гдѣ построень былъ Княжескій дворецъ, осталось тщетнымъ. Но есть слѣды, по которымъ

узнать можно, что Поляки владѣли этою
отпраною. Село Домиткановка вѣрно по-
лучило имя отъ бывшаго тамъ нѣкогда
Доминиканскаго монастыря, и оставшія-
ся въ языкѣ Н. С-кихъ жишелей Польскія
слова еще яснѣе о томъ свидѣтельствуютъ.
Все проходить и гибнетъ; одна мысль че-
ловѣческая горюетъ надъ дѣйстви-
емъ времени все — испребляющаго. Въ
Н. С-кѣ есть почтенныя развалины, —
остатки дома, гдѣ нѣкогда жилъ без-
смертный Пётръ I, и откуда онъ на-
блюдалъ за движеніями Шведской арміи.

Но теперь у меня такой приливъ воспо-
минаній и чувствъ, что я не знаю съ че-
го начать и похожу на питомца Музы,
который по окончаніи учебнаго курса —
вступая въ свѣтъ, приходилъ въ за-
мѣшательство отъ множества поверх-
ностныхъ понятій, кои затрудняютъ
ему выборъ и снисканіе основательныхъ
познаній нужныхъ для настоящаго его званія.
Онъ мнитъ быть просвѣщеннымъ и
мудрымъ, когда повторяетъ только выученное.
Для избѣжанія сего неудобства я
приведу изъ воспоминаній тѣ, кои прямо

относятся къ сердцу; оставляю другіе, въ коихъ участвовали эгоизмъ, лестнѣ, двуличіе, обманъ, гордость и тщеславіе. Руководствуясь симъ правиломъ — я всегда такъ дѣлаю: прохаживаясь по садамъ, иду мимо разпещренныхъ тюльпановъ, пушистыхъ піоновъ, разноцвѣтныхъ гвоздикъ, — бѣгу отъ оранжерейныхъ цвѣтовъ и отъ горной климѣи, обращающей на всѣхъ лицо пожелтѣвшее отъ досады и зависти — я страстный охотникъ до цвѣтовъ; — но всѣмъ предпочитаю розу, за ея вѣчное благовоніе, — скромную и душистую фіалку, скрывающуюся подъ шерновымъ кустомъ, или въ густой травѣ при корнѣ гордыхъ деревьевъ часто разбиваемыхъ громомъ, — ландышъ, отъ коего благоухаютъ тѣнистыя лѣса, куда не приходятъ щеголи, — лиловникъ, въ густотѣ коего вьетъ себѣ гнѣздо и приятно поетъ кроткая малиновка, — козій листъ, украшающій и бальзамирующій садовыя бесѣдки въ моемъ любезномъ Отечествѣ . . . . и я не завидую никому, — когда, сидя на дерновомъ камнѣ, при торжественномъ безмолвіи

ночи, — или въ лѣсу, или на горѣ при пробужденіи природы опъ упреннаго сна весною, въ забвеніи свѣта и почти самаго себя, внимаю согласному и трогательному пѣнію соловья — любимаго вѣми, не смѣря на безчисленныя степени различія между людьми.

Прочитавши это, — иной улыбнется злобно отъ негодованія и спроситъ съ досадою: гдѣжь воспоминанія о Н. С — скѣ? Какой некорыстной старичишка — эпомъ В. . . вздумавшій забавлять читателей бреднями! Право, въ немъ ни на волосъ нѣтъ толку! . . . . На сіе отвѣчаю просто: — извлекая воспоминанія изъ памяти, я вѣдь не капусту сажаю по прямой линіи; это не хронологическій списокъ обѣдовъ, баловъ и театральныхъ зрѣлищъ . . . мысли приходятъ, когда онѣ хотятъ и какъ хотятъ. Я подобенъ козаку или гусарю, который въ разсыпной атакѣ, быстро и неожиданно нанеся удары — возвращается къ своимъ то съ неудачею, то съ добычею. Во всемъ нужно терпѣніе . . . старики околичныя пушами — доспигають цѣли; а изъ

уваженія къ старости, надобно снисходить плодовиности простиительной послѣднимъ чувствованіямъ сердца. . .

Читатель вмѣстѣ со мною пройдетъ заштатный городъ Золотевъ: немолодая, некрасивая и небогатая вдова, или дѣвушка мало имѣющъ ласкателей и панегиристовъ . . . и потому пусть онъ на быстрыхъ крыльяхъ воображенія прямо перенесется къ малому жилищу незабвеннаго покойнаго А. А. Палицына. Съ большой дороги глаза мои искали въ синюющей дали мирную и живописную Поповку, и скоро ее нашли; это узналъ я по сильному бѣненію сердца. Въ Поповкѣ жилъ и умеръ истинный мудрецъ и любезный человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою наукамъ для собственнаго утѣшенія и для пользы другихъ. Память его не имѣетъ нужды въ сихъ скоро увядающихъ цвѣткахъ, которыми краснорѣчіе иногда столь охотно и столь щедро украшаетъ могилу усопшаго. Но странно,—что Музы, коихъ онъ былъ любимцемъ, не плакали надъ его могилою; и что стихотворцы, описавшіе столь пространно битвы, ужа-

енныя поля сраженій орошенныя кровью и слезами побѣдоносцевъ и побѣжденныхъ, громкую славу увѣнчанныхъ героевъ, — не посвятили слезы сожалѣнія и скорби почтенному праху сего ученаго мужа: Музамъ въ особенноти предоставлено завидное преимущество прославлять скромную добродѣтель и таящееся дарованіе. Но и ученые не чужды честолюбія; они думаютъ, что ихъ труды сдѣлаютъ ихъ участниками славы тѣхъ, коихъ они прославляютъ и что имена ихъ такимъ способомъ дойдутъ до позднѣйшаго потомства. . . . Я не забуду никогда Палицына — люблю его еще больше съ того времени, какъ его несчало; сердечныя утраты ни чѣмъ не могутъ быть замѣняемы!

Я погрузился въ размышленіе о колоритности человѣческой участи; сладкая меланхолія заступила мѣсто прежняго упоенія и въ семь расположеніи духа я очутился въ Сумахъ, городъ славящемся ярмонками, — кои описывать предоставляю купцамъ; всякому свое. — Сумской уѣздъ имѣетъ множество живопи-

сныхъ мѣстъ. Но и сїи красоты природы приличнѣ описывать тамошнимъ помѣщикамъ, охотникамъ писать. *Гдѣ ва-
ше сокровище, тамъ и сердце баше;*
а у меня въ Сумахъ, какъ и вездѣ, нѣтъ
ничего, кромѣ воспоминаній.

Есть народы безъ характера, для
коихъ не нуженъ историкъ, — лица безъ
выразительности, для которыхъ беспо-
лезно искусство живописца; есть и мѣ-
ста безъ всякихъ красотъ и картинъ, плѣ-
няющихъ глаза и воображеніе. Страна
отъ Сумъ до Глухова, по причинѣ одно-
образія, наводитъ на путешественника
скуку, уныніе и наконецъ дремоту. Я
остановлюсь нѣсколько въ Глуховѣ, — гдѣ
прежде прожилъ два года, тоскуя по
отечествѣ и принаравливаясь къ новому
образу жизни. Но въ молодости легко
отвыкать и привыкать; забавы, веселье,
приятность новыхъ связей — скоро про-
гоняють уныніе. Молодость, склон-
ная ко всякому роду разсѣянности и
удовольствія, — очень легко обходит-
ся безъ постоянного щастія, котора-
го жаждешь зрѣлый возрастъ. Молодость

не имѣть нужды въ обдуманнѣхъ планахъ, чтобъ наслаждаться жизнію. Она, какъ лицо юной красавицы, нравится намъ безъ всякихъ прикрасъ. Яркое сіяніе солнца въ глубокой осени не такъ веселитъ насъ, какъ пріятная его улыбка весною — даже и сквозь покрывало волнистаго тумана.

Мы примѣчаемъ быстрое теченіе времени только при вторичномъ видѣ предмѣтовъ послѣ продолжительнаго отсутствія; а живя всегда на одномъ мѣстѣ, непримѣтно старѣемся съ ними и думаемъ что не измѣняемся; — отдаленность выводитъ насъ изъ сего пріятнаго заблужденія, показывая намъ при возвращеніи — слѣды опустошенія времени и быстроту, съ которою течетъ рѣка жизни. Нѣтъ уже въ Глуховѣ и знаковь двухъ - этажнаго зданія Малороссійской Коллегіи, нѣтъ слѣдовъ дворца послѣдняго Гетмана — и многихъ другихъ домовъ! А о томъ смиренномъ жилищѣ, гдѣ я жилъ, и говорить нѣчего. Изъ знакомыхъ моихъ иные умерли, — другіе разсѣялись по свѣ-

шу и память многихъ уже истребилась. Но память добродѣтельнаго пребудеть вѣчно въ сердцахъ имъ одолженныхъ: въ Глуховѣ кончилъ жизнь свою Павелъ Федоровичъ Паульсонъ, Медикъ-Философъ и Христїянинъ. Въ объятїяхъ благонаправнаго семейства онъ наслаждался до самой глубокой старости здоровьемъ и пользовался уваженїемъ, — которое заслуживаютъ честность, добродѣтель, искусство, человеколюбіе и неутомимое попеченїе о страждущихъ и несчастныхъ. Его домъ уподоблялся храму благонравїя и благочестїя. — Дочери послѣ него оставшіяся должны наследовать примѣрную жизнь ихъ матери, быть почтенными супругами и въ свою очередь добрыми матерями. Миръ праху добродѣтельнаго! миръ и сей гробницѣ покрывающей Генераль-Поручика Карла Ивановича Кульбарса, истиннаго образца кротости, добродушїя и рѣдкихъ качествъ сердца! Простите всѣ мои знакомые! Почивайте мирно въ обители смерти! — Я сѣлъ въ кибитку и продолжалъ размышлять о коловратности жизни. . . . Какъ все измѣняеися и гибнетъ!

я самъ не похожъ на того, какимъ здѣсь
былъ 30 лѣтъ тому назадъ; тогда я не
думалъ о перемѣнахъ жизни, ни о морщи-
нахъ старости! На землѣ нѣтъ ничего
постояннаго . . . . Самая щастливѣйшая
жизнь есть непрерывная перемѣна радо-
сти и печали, страха и надежды. Нако-
нецъ судьба посредствомъ времени и ста-
рости отнимаетъ у насъ радости жизни,
какъ осенний вѣтръ дуновеніемъ своимъ
срываетъ съ деревь поблекшія листья.
На краю гроба — бѣдность и богатство
равняются: надежда улыбается тамъ бѣд-
няку и богачу; естели только добро-
дѣтель и непорочная нравственность
основанная на религіи — вели ихъ къ
временному и вѣчному щастію! Горе по-
му, кто при концѣ жизни смотритъ на
превратности свѣта съ такимъ распо-
ложеніемъ духа, какъ вѣтреница взираетъ
на уменьшеніе прелестей, привлекавшихъ
къ ней толпу ласкателей и обожателей
стольже вѣтренихъ! — При такомъ
размышленіи кибитка моя остано-
вилась въ Н. С-кѣ, о коемъ я шеперь лишь

только говорить стану — и безъ всякаго отступленія (*). *Иванъ Вернетъ.*
(Продолженіе впрѣдъ).

(*) Изъявляя благодарность приславшему къ намъ сіе сочиненіе И. Ф. Вернету, — мы желали бы больше познакомить читателей нашего Вѣстника съ симъ оригинальнымъ человѣкомъ. Онъ сынъ той блаженной страны, которую всѣ путешественники хвалять видѣвъ, всѣ прославляющъ щасливую тамъ и въ красотахъ — и въ ужасахъ природу, — которую воспоминающъ вездѣ чинная Лафатера, Галлера, Геснера, Боннета, — которую отличаетъ предъ всѣми спрасная приверженность къ ней сыновъ ея — Вернетъ есть Швейцарецъ. Онъ сохранилъ въ себѣ свойства націи не смотря на то, что болѣе тридцати лѣтъ уже находится въ Россіи. Надобно сказать и то, что рѣдкіе въ первой разъ видя почитаютъ его иностранцемъ; даже языкъ Руской, что бы ни писалъ онъ на немъ, не портится а еще украшается подъ его перомъ. Жизнь его достопамятна для приверженныхъ ко славію Россіи: онъ былъ нѣкогда любимцемъ безсмертнаго Суворова; знаетъ много анекдотовъ о самъ славномъ человѣкѣ, которые еще не извѣстны свѣту; и если бы разсудилъ онъ написать дославивъ ихъ въ Украинскій Вѣстникъ; — то Издатели съ такимъ же удовольствіемъ принесли бы какъ и сей подарокъ сему Журналу.

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Лебедь.

(Изъ Бюффона).

Во всякомъ обществѣ, какъ у животныхъ такъ и у людей, — насиліе производитъ тирановъ, а крошкая власть дѣлаетъ Царей. Левъ и пигръ на землѣ,

Кромѣ того онъ путешествовалъ по многимъ странамъ пространной Россіи — и путешествовалъ, какъ человекъ примѣчающій. — Характеръ его отличается правотою въ мысляхъ и поступкахъ, любезностію въ обращеніи съ знакомыми. Ни кто, кажется, не можетъ уличить его въ лести и прихвостствѣ. Онъ никогда не бранилъ иностранцевъ предъ Рускими, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе изъ чужихъ странъ выходцы; — любя душевно новую свою отчизну, не боится обнаруживать приверженность къ старой.

Что касается до воспоминанія о Н. С — кѣ; то конечно видна въ немъ воляность автора Триспама - Шанди; но за то есть также мѣста — истинно выражающія и автора Гюрика. А замѣчаніе имъ самымъ на это дѣланное — оправдывается тѣмъ, что не всегда намъ нравился и даже пользу приносить одно только то, что выведено съ Математическою точностію по правиламъ Логики.

орель и коршунъ въ воздухѣ — царствуютъ только войною, — владычествуютъ злоупотребленіемъ силы и жестокостію. Лебедь царствуетъ на водахъ и власть его утверждается тѣми правами, кои составляютъ царство тишины — важностию, величіемъ, кротостію, могуществомъ, силою, — смѣлостію и желаніемъ употреблять ее не во зло, а только для защиты; она умѣетъ сражаться и побѣждать, никогда не нападая. Сей мирный царь водныхъ птицъ отваживается противъ воздушныхъ тирановъ: онъ ожидаетъ орла, не вызывая и не боясь его; отражаетъ нападеніе, прошивупоставляя оружію его упругость своихъ перьевъ и быстрые удары сильнаго крыла служащаго ему эгидомъ, — и часто побѣда вѣнчаетъ его усилія. — Но орель только одинъ его и непріятель: впрочемъ всѣ хищныя птицы не смѣютъ его пронуть и онъ въ мирѣ со всею природою; — онъ больше другъ, нежели царь между многочисленными станицами водныхъ птицъ, кои сами кажутся хотѣть быть подъ его законами; онъ только предводителъ и первый оби-

патель мирной республики, гдѣ граждане не имѣютъ причины бояться властителя, — который пребудетъ отъ нихъ того только, что должно и желаетъ единственно тишины и свободы. —

Приятный видъ, изящество сложенія соотвѣствуютъ въ лебедѣ природной его кротости: взоры всѣхъ имъ любующихся, онъ украшаетъ собою всѣ мѣста имъ посѣщаемыя; всѣ любятъ его, всѣ хвалятъ, всѣ удивляются ему — и никакая изъ птицъ столько того не заслуживаетъ. Въ самомъ дѣлѣ ни на одну изъ нихъ природа не излила толико благородныхъ и тихихъ прелестей, приводящихъ насъ на мысль ея прекраснѣйшаго произведенія; величественный станъ, совершенное округленіе, прелестная обрисовка, чистая лоснящаяся бѣлизна, — легкое и живое движеніе, положеніе то съ выразительностію, то съ нѣжною небрежностію: — словомъ все въ лебедѣ дышитъ удовольствіемъ, очарованіемъ — дѣйствіемъ прелести и красоты, — все въ немъ показываетъ, все живописуетъ птицу любви; все оправдываетъ замысло-

вашую и веселую Мифологію, что по ея вымыслу сія прекрасная птица, дала бытіе первой красавицѣ въ свѣтѣ.

Смотря на его благородную ловкость, легкость и вольность въ движеніяхъ по водѣ, — невольно признаешь въ немъ не только перваго изъ крылатыхъ плавателей, — но и самый лучшій образецъ, которымъ природа хотѣла научить насъ искусству мореплаванія. Его поднятая шея, грудь высокая и округленная — изображаютъ точно корабельный носъ, разсѣкающій волны; широкой желудокъ его представляетъ дно корабля; его станъ нѣсколько наклоненный въ передъ для скорости въ плаваніи выпрямляется назадъ и возвышается на подобіе кормы; хвостъ его есть настоящее кормило; его ноги суть широкія веслы, — большія крылья полуразширенные отъ вѣтра и тихо надуваемые — составляютъ парусы, коими движется живой корабль или корабль и кормчій вмѣстѣ.

Гордясь своимъ благородствомъ и плывшая красотою лебедь, кажется, лю-

бить и не скрывать всѣхъ своихъ преимуществъ; онъ какъ будто ищетъ себѣ похвалъ, хочетъ плѣнить взоры и точно ихъ плѣняетъ, когда плыветъ въ стадѣ ли наподобіе окрыленного флота и виденъ бываетъ въ дали большого озера, или, опдѣлясь, приближается къ берегу по знакамъ его призывающимъ и приближается для того, чтобы ему удивлялись, — тысячу разъ оборачивается, чтобы показать красоты свои и прелести, кружится приятно и плавно.

Съ преимуществами природы лебедь соединяетъ еще и свободу; онъ не изъ числа тѣхъ невольниковъ, которыхъ мы можемъ принудить къ чему нибудь, или заключить; онъ свободенъ на нашихъ водахъ, утверждаетъ тамъ свое пребываніе и иначе живетъ, какъ наслаждаясь совершенной независимостію; онъ незнакомъ съ чувствами рабства и плѣна, — по своей волѣ прогуливается, пристаетъ къ краю, удаляется на средину, плывя вдоль береговъ защищается отъ непогоды, прячется въ тростникъ, заплываетъ въ самые дальные заливы, — и по-

томъ, оставляя свое уединеніе, возвращаея къ мѣстамъ обитаемымъ и наслаждается удовольствіемъ для него по видимому очень приятнымъ — приближаться къ человѣку; ибо въ насъ онъ обрѣтаетъ гостепріимныхъ друзей, а не жестокихъ владѣльцовъ. — У нашихъ предковъ, слишкомъ простыхъ или очень хорошо знавшихъ, — что значить наполнять свои сады холодными красотою искусства, вмѣсто живыхъ красотъ природы, — предоставлено было лебедямъ полное право составлять украшеніе всѣхъ вмѣстѣ водныхъ; они поселяли веселье во мрачныхъ рвахъ замковъ, они украшали большую часть рѣкъ и даже рѣку протекающую въ столицѣ, — и мы видѣли, что одинъ изъ нашихъ чувствительнѣйшихъ и любимѣйшихъ Государей полагалъ въ числѣ своихъ удовольствій — разводить сихъ прекрасныхъ птицъ во всѣхъ прудахъ Королевскихъ дворцовъ.

Съ Франц. Г. III.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Розанъ.

Однажды упромъ когда зелень, еще влажная отъ ранней росы, казалось, оживала снова при солнечныхъ лучахъ,— юный Гиласъ бѣгалъ по лугамъ и рощамъ. Онъ остановился передъ розаномъ, нѣжно разкрывавшимся при лобзаніяхъ Зефира. Вотъ прекрасной цвѣтокъ! вскричалъ Гиласъ; естлибъ онъ поболѣе развернулся, я сорвалъ бы его для маминьки. Завтра онъ будетъ во всей красотѣ,— завтра я приду за нимъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ; но увидѣлъ только кустъ, а цвѣтка уже не было. Маминька, воскликнулъ онъ съ горестію,—я слишкомъ промедлилъ сдѣлать тебѣ мое приношеніе!

Однажды щастливый Аристъ открылъ бѣдное семейство, украшавшееся всѣми добродѣтелями; но изнемогавшее въ нищетѣ. Ахъ, какъ я несчастливъ, сказалъ Аристъ; я не такъ еще богатъ, что бы могъ симъ добрымъ людямъ доставить довольство и щастіе! То, что я теперь

могу для нихъ сдѣлать, имъ поможетъ не много. — Какъ скоро я буду щасливѣе, то и они будутъ щасливы вмѣстѣ со мною. Онъ сдержалъ слово: сдѣлавшись богаче, пришелъ опять; но бѣдное семейство исчезло съ лица земли. Ахъ, несчастный, вскричалъ онъ; я сдѣлался благодѣтельнымъ слишкомъ поздно!

Не отлагай никогда до завтра того добра, которое ты можешь сдѣлать нынѣ. Для добродѣтели и щастія Богъ даетъ намъ только настоящую минуточку; ею воспользоваться состоить въ нашей во-
лѣ! — Съ Франц.

Ревность къ наукамъ.

(Изъ Дагессо).

Не считай за ничто упражненій дѣтства и начашь истинныя занятія тогда, когда мы ихъ обыкновенно оканчиваемъ; смотрѣть на молодость не такъ, какъ на возрастъ опредѣленный природою для утѣхъ и покоя, — но какъ на время назначенное для трудовъ и размышленій; не рачить о богатствѣ, щастіи, даже о самомъ здоровьи

и все то, чѣмъ люди наиболѣе дорожатъ, принести—какъ достойную жертву—любви къ наукамъ и ревности къ просвѣщенію; сдѣлаться невидимымъ на нѣкоторое время,—заклѣчить самого себя произвольно и заживо погребсти въ глубокомъ уединеніи, что бы тамъ заранѣе приготовить себя — выдерживать всѣ превращенія: такъ думали и поступали истинно великіе люди! Не будемъ же удивляться тому, чѣмъ они были; перестанемъ вмѣстѣ дивиться и тому, чѣмъ мы теперь, — видя, какъ мы мало трудимся для приобретенія той славы, которой они достигли!! —

Съ Франц. Г. III.

Франклинъ.

Франклинъ, увѣнчанный двоякою славою, которую приносить гений и великія заслуги оказанныя Отечеству, достигъ восьмидесяти четвертаго года жизни своей. Сограждане исполненные признательности, избрали его Правителемъ Пенсильваніи и убѣдились въ томъ, что его блaгoрaзy-

мѣ могло еще принести имъ великую пользу, такъ же включили и въ число законодателей. Онъ былъ награжденъ почестями и имѣнїемъ; впрочемъ простота и умѣренность, съ которыми онъ подружился до своего возвышенїя, остались въ немъ тѣже. Одежда его, ничѣмъ не отличалась отъ одежды зажиточнаго земледѣльца; его бы нельзя было даже и примѣтить, если бы голова покрывая сѣдинами, которыя небрежно падали на плеча, не представляла истиннаго мудреца.

Однажды, видя собравшихся около своего стола отличнѣйшихъ людей въ Государствѣ, Франклинъ улыбался и сравнивалъ щастїе своей старости со щастїемъ молодости. — Господа, сказалъ онъ, я помню — тому лѣтъ пятьдесятъ — какъ одинъ типографскій ученикъ, сынъ продавца салныхъ свѣчъ сочинилъ двѣ жалкія пѣсни и самъ напечаталъ ихъ; потомъ экземпляры, еще мокрые, взялъ подъ мышку и пошелъ продавать по улицамъ города Бостона. Это были настоящія пѣсни слѣпыхъ; между тѣмъ какъ поэтъ имѣвшій честь сдѣ-

ласть сїи мастерское произведеніе и забавлявшій съ недѣлю городскую чернь,—есть вашъ покорнѣйшій слуга Венѣаминь Франклинь.

Батюшка, сказалъ молодой Франклинь,—позвольте мнѣ напомнить то, что я слышала отъ мамушки. Однажды, будучи у воротъ, увидѣла она проходящаго молодого человека лѣтъ шестнадцати, очень худо одѣтаго, съ большимъ кускомъ хлѣба за пазухой и съ другимъ въ рукѣ, котораго онъ ѣлъ съ жадностію. — А! а! помню, прервалъ Франклинь; это какъ будто вчера и скажу вамъ, господа, что сей лакомка ѣвшій съ такою охотою кусокъ своего хлѣба, такъ же былъ — я вашъ покорнѣйшій слуга. Тогда я въ первый разъ оставилъ Бостонъ и очутился въ Филадельфїи. Въ карманѣ было у меня съ долларъ денегъ; и въ этомъ состояло все мое имѣніе; но за то я любилъ занятія и былъ воздерженъ; отъ того, какъ вы видите, довольно изрядное составилъ я себѣ состояніе.

Нѣкоторые особы изъ собранія, знавшіе Франклина только со времени возвы-

шенія его на первыя степени чести, ободрились простодушіемъ, съ которымъ онъ напоминалъ о своемъ низкомъ происхожденіи и просили его — рассказать имъ подробности приключенія своей жизни.

Господа, сказалъ почтенный спарець, — благодарю васъ за участіе вами во мнѣ приемлемое. Вся Филадельфія знаетъ мои приключенія и я вамъ потчасъ расскажу ихъ; потому что число ихъ не велико. Не по свѣту бѣгая собралъ я свое маленькое имѣніе и заслужилъ довѣренность моихъ согражданъ; но будучи всегда у себя, безпрестанно занимаясь и стараясь быть полезнымъ обществу.

Я, какъ вы уже слышали, сынъ продавца сальныхъ свѣчъ и мыла. *Іосія Франклинъ*, — отецъ мой — былъ одинъ изъ тѣхъ откровенныхъ и добродѣтельныхъ людей, которыхъ небо рѣдко посылаетъ на землю. Онъ имѣлъ щасіе видѣть у себя девятнадцать человѣкъ дѣтей — семнадцать сыновъ и двухъ дочерей: я послѣдній изъ сего многочисленнаго семейства. Помню, что я видалъ у отца своего за столомъ тринадцать человѣкъ дѣтей, кои всѣ

выросли и всѣ поженились. Имъ всѣмъ дали мѣста и всѣ они, слава Богу, были добрые люди. Я, какъ уже имѣлъ честь сказать вамъ, былъ послѣдній. Меня звали Веніаминомъ и въ самомъ дѣлѣ былъ я Веніаминъ для моихъ престарѣлыхъ родителей. Они отдали меня въ училище и хотѣли сдѣлать духовнымъ; но малые ихъ средства и трудное содержаніе столь многочисленнаго семейства вскорѣ принудили ихъ дать мнѣ другое состояніе. Меня выучили только читать и арифметикѣ; я возвратился въ родительскій домъ, гдѣ дѣлалъ свѣчи и мыло. Тогда мнѣ было десять лѣтъ. Ремесло въ которомъ заставили меня упражняться, ни чуть не было для меня приятно. Какъ только находилъ я свободную минуточку и принимался за какую нибудь книгу, прятался въ уголокъ и читалъ ее на свободѣ. Вкусъ къ чтенію рѣшилъ мою участь: родители мои думали, что состояніе шипографщика болѣе всего мнѣ прилично; почему и отдали меня учиться къ одному изъ моихъ братьевъ, содержавшему шипографію. Я ночью читалъ шѣ книги,

которыя печатались днемъ; и такимъ образомъ, на щетъ моего сна, всегда находилъ время удовлетворять своей чрезмѣрной страсти къ чтенію. Въ бытность мою у брата сочинилъ я нѣтъ прекрасныя пѣсни, о которыхъ я вамъ сказывалъ. Къ щастію отецъ мой далъ мнѣ почувствовать, что стихи мои были самыя жалкіе; онъ прибавилъ также, что стихотворческое ремесло ни мало не избыточно для того, кто имъ занимается; я, къ щастію моему, послушался его и ограничился одною прозою.

Неприятности, которыя потерпѣлъ я у брата, принудили меня искать щастія въ другомъ мѣстѣ. Я тогда уже довольно хорошо зналъ свое ремесло и работою могъ жить вездѣ;— а потому и оставилъ Бостонъ. Кошелекъ мой не очень былъ шугъ; но мнѣ не казалось дивомъ ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду. Я направилъ путь свой къ Филадельфіи, которая въ то время, (что вы сами знаете господа также хорошо какъ и я) не была такъ многолюдна и богата, какъ нынѣ. Сынъ мой сказалъ вамъ уже о моемъ вѣдѣніи въ

сей городъ. Я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ на порогѣ у воротъ дѣвушку, которая въ послѣдствіи сдѣлалась моею женою и ошастливила часть моей жизни. Она тогда очень смѣялась надъ моимъ жалкимъ видомъ; но это не побезпокоило меня: въ бѣдности я былъ веселъ, здоровъ и старался повсюду научиться; а потому и имѣлъ всегда самыя лучшія надежды.

Я нашелъ себѣ дѣло въ Филадельфій, гдѣ въ то время было не болѣе двухъ худыхъ шипографщиковъ. Безъ хвастовства сказать, я зналъ свое ремесло лучше, нежели они. Мнѣ удалось своимъ стараніемъ и хорошимъ поведеніемъ сдѣлать себя извѣстнымъ. Одинъ молодой чело-вѣкъ, желавшій обзавестися, принялъ меня въ товарищи. Въ послѣдствіи я одинъ даже имѣлъ у себя маленькую шипографію: это было очень не много; но тому не много и надобно, кто воздерженъ. Дѣла мои шли такъ хорошо, какъ я желалъ. Хорошая женщина нужна въ домѣ: я женился на той, которая смѣялась надо мною при моемъ прибытіи и которую съ этого времени я любилъ. Она не принесла

мнѣ никакого имѣнія ; но принесла качества и рачительность хорошей хозяйки. Ея хозяйство и рачительность привели въ лучшее состояніе мой домъ и привлекли ко мнѣ почтеніе.

Видя средства мои ежедневно умножающимися, я предпринялъ издавать журналъ — названный мною *Пенсильванская газета*, который удался мнѣ сверхъ моего чаянія. Сіи листки подали мнѣ случай прослыть ученымъ человекомъ и достигли сношеніе со многими умнѣйшими людьми нашей провинціи. Извѣстность моя доставила мнѣ оппечатку актовъ правленія Пенсильванской провинціи. Я завелъ бумажную лавку и здѣлался однимъ изъ уважаемыхъ купцовъ въ Филадельфіи; это, если позволено сказать мнѣ самому, было плодъ моей рачительности и безпорочнаго поведенія.

Будучи довольно богатъ для того, чтобы имѣть нѣсколько свободныхъ минутъ въ день, я посвятилъ сіе время просвѣщенію: учился Латинскому и Французскому языкамъ, которыхъ еще не зналъ. Я занялся также изученіемъ Естествен-

ной Исторіи, а особливо Физическими науками. Электричество было для меня такимъ предметомъ, который я особенно изслѣдовалъ. Вы знаете, что я имѣлъ щастіе изобресть *громоу отводъ*. Сія машина, очень простая, безъ сомнѣнія сохранила жизнь большому числу людей и предохранила многія зданія отъ небеснаго огня. Сей одной мысли довольно для вознагражденія всѣхъ трудовъ моей долго-временной жизни! —

Въ 1731 году вздумалось мнѣ составить ученое общество и завести публичную библіотеку, которой еще не было у насъ. Мнѣ хотѣлось соединить ученыхъ людей въ городѣ и разпространить познанія, сославляющія щастіе и славу общества. Люди богатѣйшіе и любители наукъ споспѣшествовали моему предпріятію.

Черезъ годъ потомъ началъ я издавать *Алманахъ простачка Ришарда*, который въ послѣдствіи выходилъ ежегодно и успѣхъ коего не былъ для меня накладень. Вы знаете, что въ семъ Алманахѣ — определенномъ для разпространенія по всѣмъ

классамъ общества, — я пытался познакомить людей, особливо простой народъ, съ истинными началами, — по коимъ надобно вести себя. Я употребилъ форму мнѣній и пословицъ; потому что наставленія такимъ образомъ удобнѣе напечатлѣваются въ памяти (*); — и нѣкоторыя изъ моихъ правилъ произвели свое дѣйствіе.

Когда щастіе начинается благоприятствовать намъ; то оно по видимому нѣхотитъ удовольствіе въ ежедневномъ умноженіи своихъ благодареній. Я предложилъ планъ управленія почти въ Америкѣ; правительствовало, удовлетворенное моими видами, намянувадо меня Адьюнк-

---

(*) Вотъ нѣкоторыя изъ его мнѣній: праздность подобна роскоши, — она пошребляетъ больше, нежели трудъ. — Ключъ при употребленіи всегда бываетъ ясенъ. — Не надобно терять напрасно времени; поелику это матерія, изъ которой сдѣлана жизнь наша. — Съ трудомъ и терпѣніемъ мышъ перегрызаешь клантъ. — Безъ одного гвоздя перялся подкова, безъ подковы пропадаетъ лошадь, безъ лошади погибаетъ самъ всадникъ; потому что непріятель можетъ догнать и убить его. — Кто покупаетъ излишнее, тотъ скоро продастъ и нужное.

шомъ главнаго правленія почтъ. Спустя нѣсколько времени народъ выбралъ меня въ члены народнаго собранія провинцій. Наконецъ, когда всѣ наши области захотѣли свергнуть съ себя иго Англичанъ и сдѣлаться независимыми, — я былъ удостоенъ порученіемъ самымъ шруднымъ и въ тоже время самымъ почтеннымъ: меня отправили посломъ во Францію, съ титломъ полномочнаго Министра, — что бы преклонить дворъ сего Государства соединиться съ Американцами противъ Англичанъ. Я имѣлъ щастіе успѣть; Французы сдѣлались нашими друзьями и послали къ намъ войска. Я пробылъ девять лѣтъ сряду во Франціи. Подписавши мирный трактатъ Сентября 3 дня 1783 года и доставивши нашему Отечеству союзными трактатами съ Пруссіею и Швеціею новыя торговыя сношенія — я возвратился сюда. Вшествіе ваше въ городъ, прервалъ молодой Франклинъ, было на сей разъ весьма отлично отъ того, которое вы имѣли столько лѣтъ тому назадъ съ вашимъ кускомъ хлѣба на три копейки. Едва только показался корабль передъ

пристанью, какъ множество гражданъ стеклось на берегъ съ радостными криками; каждый спѣшилъ отдать вамъ честь, когда вы сходили съ корабля; и всѣ провожали васъ до самаго дома, между тѣмъ какъ пушки и колокола возвѣщали прибытіе ваше селеніямъ. Всѣ жили наперерывъ изъявляли вамъ свое уваженіе и почтеніе. Конгрессъ, Университетъ и многія другія общества представили вамъ отзывы, исполненные почтительными для васъ свидѣтельствами. Батюшка, съ какимъ удовольствіемъ я наслаждался симъ зрѣлищемъ!

И мнѣ, сынъ мой, сія всенародная радость, сіи всеобщія восклицанія — во всей полнотѣ привели на память то, чѣмъ я содѣйствовалъ счастью моего опечесства; посуди, долженъ ли я починалъ себя счастливымъ? Благоволеніе моихъ согражданъ простерлось далѣе, нежели какъ я чаялъ: они возвели меня въ достоинство Правителя Пенсильваніи, включили въ число своихъ законодателей; мнѣ остается еще оказать имъ какую нибудь услугу и умереть желая, чтобъ они на всегда были также счастливы.

Сей славный человекъ увидѣлъ совершеніе своихъ послѣднихъ желаній; онъ далъ въ собраніи мудрецовъ свои совѣты, кои произведены были въ дѣйствіе; наконецъ, исполненъ дней и славы, умеръ 17 Апрѣля 1790 года, осьмидесяти чепырехъ лѣтъ и прехъ мѣсяцевъ отъ рожденія.

Его сограждане изъявили ему и по смерти еще свою признательность. Конгрессъ приказалъ на пространствѣ чепырнацати Соединенныхъ Областей носить трауръ по его кончинѣ; а жители Филладельфій воздвигли ему спатую на фронтонѣ публичной библіотеки, имъ основанной.

Исторія сего мудраго и добродѣтельнаго Американца наставительна для людей всѣхъ классовъ общества. (1)

---

(1) Спатя сія составлена по запискамъ о своей жизни самаго Франклина.

Съ Франц. Гонорскій.

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

*Благодареніе Всевышнему даровав-
шему побѣду на всеобщаго врага.*

Къ Тебѣ, Господь! свое моленье
Мы возсылали въ лютыхъ дняхъ;
Тебѣ теперь благодаренье
Приносимъ въ нашихъ торжествахъ!
    Ты внялъ тогда нашъ гласъ молебный;
    Прими теперь нашъ гласъ побѣдный!
Когда вспомнимъ древни лѣта,
И бытіе протекшихъ дней;
Всегда спасались отъ навѣща
Мы только благостью Твоей,
    Ты внялъ тогда нашъ гласъ молебный
    Прими теперь нашъ гласъ побѣдный!
Ты, силъ Господь! низвергъ Мамай,
Темиръ - Аксака поразишь;
Башыя гордость низлагая,
Невѣрныхъ силу низложилъ!
    Ты внялъ тогда нашъ гласъ молебный;
    Прими теперь нашъ гласъ побѣдный!
Ты Лжедимитріевъ карая,
Отъ всѣхъ крамоль Россію спасъ:

Сарматски силы расточая,
Отъ хищниковъ избавиль насъ!

Ты вняль тогда нашъ гласъ молебный;
Прими теперъ нашъ гласъ побѣдный!
Ты въ земледѣльчей кущѣ бѣдной
Россійскихъ отрасль спасъ Царей!
Ты утвердиль ихъ тронъ наслѣдной
Въ немолчну славу нашихъ дней!

Царь велѣй мира и щедротъ!
Прославъ народъ твой въ родъ и родъ!
Ты насъ любя и наказуя,
И днесъ на насъ врага послалъ;
Но славу нашу показуя,
Надъ нимъ побѣду даровалъ!

Царь велѣй мира и щедротъ!
Прославъ народъ твой въ родъ и родъ!
Ты славой вѣчной возпрославиль
ПОМАЗАННИКА ТВОЕГО;
И миръ межъ царствъ земныхъ возещавиль
По мановенію ЕГО!

Царь велѣй мира и щедротъ!
Прославъ народъ твой въ родъ и родъ!

*Въ честь побѣдоноснаго Россійска-
го воинства.*

Что за-шумъ въ странѣ полночной
Прерываетъ тишину?

Бонапартъ съ ордою мочной
Вшоргся въ Росскую страну. —

Россы! Россы воспряните!

И враговъ своихъ гоните! —

Что за-крики въ царствѣ Бѣломъ,

Что за-громы раздались!

Храбры Россы съ духомъ смѣлымъ

На злодѣя поднялись! —

Россы! Россы воспряните!

И злодѣю отомстите!

Что за-шумъ, и что за крики

Слышны съ западныхъ сторонъ?

Россы въ браняхъ шамъ велики

Все сражаютъ! — слышенъ стонъ!!

Россы! Россы воспряните!

И враговъ своихъ разите!

Пусть стонаетъ врагъ суровый,

Вашей мышцей пораженъ! —

Вамъ за то вѣнки лавровы,

Вамъ вѣнки — ошъ всѣхъ племень!

Россы! изверговъ разите!

Лавры съ кровью ихъ пожните!

Вы пройдете пушъ обратно
По спасеннымъ сторонамъ.
Восклицанья шамъ стократно
Повторятся съ дружбой къ Вамъ:
„Россы! въ мирну сѣнь вступите
„Плодь отъ вашихъ дѣлъ вкусите!

Изъ чужихъ сторонъ придете
Вы на край родимой свой;
Тутъ въ объятїяхъ найдете
Славу, сердце — и покой!
Тутъ брони свои сложите,
И на лаврахъ отдохните!

Тутъ обложутъ Ваши раны,
И слезами оросятъ.
Окончайте подвигъ бранный,
И скорѣе къ намъ назадъ! —
Тутъ брони свои сложите,
И на лаврахъ отдохните!

Срезневскій.

Къ Манлію Торквату.

(Горац. Кн. IV. ода 7-я).

Diffugere nives, redeunt jam etc.

Уже разстаяли снѣга, —
 Опяшь долины зеленѣють
 И на деревьяхъ кудри вѣють.
 Вступивши рѣки въ берега
 Каплютъ средь нихъ спокойно воды:
 Перебѣнился видъ природы.

Изъ Нимфъ составя хороводъ
 Аглая водить имъ съ чешою
 Подругъ одѣшыхъ — красотою. —

Не думай вѣчнымъ быть, — по годъ,
 То каждый часъ тебѣ вѣщаетъ,
 Что дни прохладны покищаетъ.

Востъ Зефиры смягчили хладъ;
 Насханетъ зной, — весну прогонишь; —
 И лѣто свой отъ насъ ходъ склонитъ, —

Какъ только плодъ поля взростаетъ,
 Какъ слѣла осень появится:

А шамъ — опяшь зима тащится. —

Но смѣну и уронъ времянь
 Теченье лунъ возобновляетъ;
 А кто изъ насъ перелешаетъ

Туда, гдѣ Туллъ богатый, Анкѣ
Съ богобоязненнымъ Энеемъ; —
Тамъ всѣ какъ прахъ, какъ тѣнь исчезнемъ.

Судилиль Вышніе къ лѣшамъ,
Которы дневной день кончается,
Прибавить завтра намъ — кто знаетъ? —

Не будь же скупъ, — пускай къ рукамъ
Наслѣдника не достается

Хоть то, что съ сердцемъ проживется:

Вѣдь какъ умрешь и надъ побой
Свершишь судъ грозный и правдивый
Миносъ — судья неумолимый; —

Торквать! тогда ни родъ ужъ швой,
Ни слова рѣдкій даръ, ни жертвы
Не воскресяшь тебя изъ мертвыхъ! —

Что бы изъ адкой тѣмы извлечь
Невинну жертву — Ипполита, —
Тщетна Діаны власть, защита.

Не можешь и Тезей разсѣчь
Оковы смертны Пиритоя —
Любезнаго себѣ героя. —

ф — ѳѳ.

Доблесть.

(Ода Эринны, Лезбійской стихотворицы.)

Блестяща поясомъ злалымъ
Дщерь Марса, — ужась грозной брани, —
Царица, коей мощны длани
Несутъ смерть непокорнымъ, злымъ!
Привѣтствую тебя, о доблесть!

*

Твой тронъ сіяетъ въ лѣпотѣ
Свѣтиль превыше неизчетныхъ,
Въ обители Боговъ безсмертныхъ,
Въ надзвѣздной — свѣшлой высотѣ
Неколебимаго Олимпа.

*

Тебѣ, Всесильная! одной
Превѣчна Парка скиптръ вручила —
И на главу вѣнецъ возложила:
Да властною твоей рукой
Всѣмъ правишь и владѣешь вѣчно.

*

Сердца трясущся твердыхъ горъ,
Клубящаясь подъ тобою бездны;
А ты, въ безопасности надежной,
Всегда имѣя свѣшлый взоръ,
Кормило царства держишь мощно.

Летитъ свирѣпый быстро Кронъ,
Все руша въ яростномъ парени;
Но въ семь погибельномъ стремлени
Коса о твоей недвижный тронъ
Крушится старика сѣдаго.

*

Онъ будетъ твердь во всѣхъ вѣкахъ!
Попутныхъ вѣтровъ при дыханьи,
Въ своемъ божественномъ сіяньи,
Плывешь на воздушныхъ парусахъ
Ты, какъ владычица вселенной.

*

Герои грозные въ бояхъ,
Противнымъ страхъ, — мужья избранны; —
Твой плодъ — твои суть чада славны;
Златая жатвы какъ въ поляхъ
Плодъ благодѣтельной Цереры.

*

Склони, Богиня, слухъ благой,
И въ юношѣ моемъ любезномъ
Зажги огонь; да въ вѣнцѣ побѣдномъ
Со славой прійдетъ милый мой
Въ объятія пламенной любви.

Съ Греческ. Пав. Кунцкѣй.

Спартанка.

Среди долинъ, въ полночный часъ,
Безмолвно шли на брань Спартанцы;
Имъ въ слѣдъ влеклися жены, старцы,
Пуская вопль: спасите насъ! —
Одна Спартанка шла спокойно,
Лишь вздохи изрѣдка невольно
Тѣснили тяжко грудь ея.

Блѣдна, но съ твердою душой,
Смотрѣла впалыми глазами,
Какъ къ ней неробкими стопами
Могучій подходилъ герой.
Въ героѣ сына познавая,
Видъ мужества предъ нимъ являя,
Она вѣщала такъ ему:

Гряди на тѣмы враговъ, мой сынъ!
Я мать — но жертвую тобою,
Безъ слезъ узрю, когда мнѣ съ бою
Лишь прахъ твой принесуть одинъ.
Пускай враги тебя терзають,
Они съ безславіемъ познають,
Что смерть Спартанцу не страшна.

Еще ты въ колыбели спалъ,
Когда отецъ твой грудь открышу
Поставивъ родинѣ въ защиту,
На полѣ ратномъ дни скончалъ;
Гряди и ты безстрашно къ чести,
Приди съ побѣдой, иль на мѣстѣ
Умри среди враговъ твоихъ.

Но прежде, чѣмъ твой ясный щитъ
Звуча падешь изъ рукъ безсильныхъ,
Не дай врагамъ зрѣть странъ твоихъ мирныхъ,
Гдѣ легъ отецъ твой опочить;
Гони ихъ отъ священна праха,
Что бы тебя средь смертна мрака
Не упрекала тѣнь его.

Герой прижавши къ сердцу мать,
Иду, вѣщаль, на бранны громы;
Мнѣ съ дѣтства звуки ихъ знакомы;
Имъ, имъ хочу однимъ внимать!
Но сердце въ немъ сильнѣй забилося,
Когда ему съ зарей открылось
Жилище мирное его.

Простившись съ нимъ въ послѣдній разъ,
Оставилъ мать среди долины,

Съ стремнинъ понесся на стремнины
И вскорѣ скрылся онъ изъ глазъ.
Тогда Спартанка на свободѣ
Забыла все — и дань природѣ
Слезой горячей отдала.

Межъ тѣмъ Спартанцы съ пишиной
Къ равнинѣ битвы подходили,
И только слѣдъ враговъ открыли,
Предстала смерть съ усмѣшкой злой;
Куда лишь взоръ она свой кинешъ,
Тамъ мужество иль юность гибнешъ
Среди стenaniя и мукъ.

Сражашъ злодѣевъ упомясь,
Младый герой стоялъ въ печали,
Тутъ вдругъ стрѣлу въ него послали,
И палъ щитъ крѣпкій раздробясь;
Стрѣла вонзилась въ грудь глубоко,
Понесся стонъ его далеко
И сердца матери достигъ.

Она, влекомая тоской,
Идетъ одна на поле брани,
Гдѣ сынъ ея, простерши длани,
Лежалъ съ поникшею главой.

Склоня прискорбны взоры къ сыну,
Благословлю твою кончину,
Ему спокойно говоришь.

Возмите воины сей прахъ
Стрѣлой сраженнаго героя;
Спартанцы посреди покоя
Вспомняшь о его дѣлахъ:
Тогда имъ враны чернокрылы
Покажутъ съ крикомъ двѣ могилы,
Гдѣ будешь онъ съ опцемъ лежаъ.

Мояжъ отрада въ томъ и честь,
Что грудью я его вскормила,
И какъ Спартанка научила
Къ врагамъ питать до гроба месть.
Скончавъ — сокрылась въ чистомъ полѣ.
Тогда никто не видѣлъ болѣ
Изъ глазъ ея текущихъ слезъ.

Д. Козинцевъ.

Минвана.

Эпизодъ изъ Оссіановыхъ сочиненій.

Поэма послѣдняя.

Съ сердцемъ препетнымъ, разтерзаннымъ
И съ лицомъ покрытымъ розами —
Дѣва юная, прелестная,
Уклонясь, съ скалы возвышенной
Простираешь свой печальной взоръ
На пространство моря шумнаго. —
Тамъ — тамъ въ синей ошдаленности
Представляется очамъ ея
Блескъ оружій юныхъ ратниковъ.
Солнца лучъ скользитъ по шлемамъ ихъ —
Вѣтръ надулъ шумящи парусы,
И Минвана зришь Фингаловъ флотъ.
Гдѣ ты Рино, другъ души моей?
Упади въ мои объятія!
Какъ давно Минвана ждетъ тебя!
Но печальны и потупленны
Взоры ратниковъ вѣщали ей:
Ахъ! напрасно, ты прекрасная,
Призываешь Рина храбраго!
Вспяшь палъ въ пылу сраженія —
Тѣнь его превыше облаковъ

Носиися въ поляхъ спокойствія!
 Слышенъ былъ намъ слабый гласъ его
 Вмѣстѣ съ вѣтрами сливаясь,
 Надъ холмомъ одѣтымъ зеленью. —
 Какъ, ужели палъ Фингаловъ сынъ,
 На златыхъ поляхъ Ультоніи?
 Коль сильна рука соперника
 Рина храбраго сразившая!
 Но увы! одна осталась я —
 Буря въ сердцѣ — мракъ въ душѣ моей—
 Нѣтъ, не буду здѣсь я болѣе!
 Вѣтры вѣючи власы мои,
 Я не буду соединять теперь
 Тяжки вздохи съ вашимъ вѣяньемъ! —
 Пусть засну я при источникѣ
 Подлѣ хладныя обители,
 Тамъ, гдѣ спитъ онъ непробуднымъ сномъ.
 Сынъ Фингаловъ! я не зрю тебя
 Окруженнаго ловишвою;
 Не блистають на лицѣ твоемъ
 Нѣжны прелести, какъ Майскій день!
 Тѣнь густая стережетъ тебя —
 И безмолвіе полуночи
 Обищаетъ, гдѣ почѣешь ты. —

Гдѣ теперь твои псы вѣрные?
 Гдѣ твой лукъ? гдѣ шлемъ пернатый твой?

Гдѣ твой мечъ подобный молніи?
Гдѣ копье твое тяжелое,
Часто кровью обогренное?

Но увы! я зрю оружія
Въ кораблѣ печальныхъ ратниковъ
Омоченныя въ крови лежатъ! —
Ахъ! зачѣмъ не положили ихъ
Близъ его жилища мрачнаго!

Когда гласъ зари румяныя
Нѣжно — нѣжно возвѣспитъ тебѣ:
Юный ратникъ! пробудись отъ сна —
Звѣроловцы ѣздятъ на полѣ;
Серна робкая приблизилась
Къ твоему жилищу мирному! —

Удались, Аврора крошкая!
Рино спишь теперь глубокимъ сномъ —
Онъ не внемлетъ, что вѣщаешь ты. —
Часто скачутъ лани быстрые
На пустынномъ гробѣ виляя! —

Смерть свои повсюду ужасы
Близъ одра его разсѣяла;
Но я съ шепетомъ приближуся,
Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ покоится. —
Пусть Минвана въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Тамъ заснетъ близъ Рина вѣчнымъ сномъ! —
Тщетно будутъ здѣсь искать меня

Дней моихъ подруги нѣжныя!
Я на вѣкъ отъ нихъ сокроюсь!
Пусть при звукахъ арфы жалостныхъ
По слѣдамъ моимъ пойдутъ онѣ;
Но Минвана не услышитъ ихъ
Въ нѣдрѣ гроба Рина храбраго! —

Фортунатовъ.

Вѣра, Надежда, Любовь.

Чью душу наполняетъ Вѣра,
Тому есть сладкая Надежда,
Что въ добрыхъ сыщеть онъ Любовь,
Тамъ къ Богу близкій путь есть Вѣра,
Съ ней горестъ уменьшитъ Надежда
И дастъ быть щастливымъ Любовь.
О! будь всегда со мною Вѣра!
Въ тебѣ лишь чистая Надежда,
Съ тобою истинна Любовь!
Моимъ наставникомъ — будь Вѣра;
А утѣшеніемъ — Надежда,
Чтобъ жизнь мнѣ вся была — Любовь.

Р-су.

На совѣтъ, по прочтеніи Волтероза описанія природы, описать садъ его.

Чтобы изобразить сердечное намъ
чувство,
Не нужно здѣсь вводить чужихъ умовъ
искусство;
Что внутрь души нашель, — то въ реченіи
положи;
Лишь только чувствами стихи свои вяжи.
А коль не ладятся, — я въ томъ невиновата:
Грамматика сердцеъ словами небогата:
Къ томужь малиновка не ищетъ за-
нимать
Напѣвовъ соловья, — чтобы слухъ нашъ
услаждаъ;
А также какъ и онъ въ кусточкѣ попѣ-
ваетъ
И туже самую природу прославляетъ.
Я право не люблю чужое прибиратьъ;
Но истину души красивѣй описать
И садъ пвой чтобы сравнить въ стихахъ
моихъ съ эдемомъ
Тружусь и думаю надъ всякимъ я напѣвомъ.

Однакоже мой трудъ напрасенъ долженъ
быть

И сада твоего нельзя мнѣ похвалить:

Гдѣ вкусъ и разумъ твой съ природою
сливался,

Не только я, — кто вѣкъ стихами за-
нимался,

И толь прекраснѣе не можетъ описатьъ,

Какъ только отъ души твои, мѣ его назвашъ.

Любовь Кричевская. (*)

(*) Вы хотѣли, милый другъ и братъ! Что бы нестройной мой голосъ былъ слышенъ въ Украй-нѣ: чувствую большое удовольствіе; хотя, испытывая себя, долго не смѣла рѣшиться исполнить желаніе ваше. Доселѣ все, что я писала въ свободныя минуты моей жизни, читали однѣ друзья мои; а для сердца любящаго насъ все въ насъ любезно. — Но что я предложу такому множеству читателей, меня незнающихъ? Не будутъ ли они имѣть права сказать: какое самолюбіе? — И чѣмъ я оправдаю себя? — Они того не знаютъ, что изъ угожденія такому другу какъ вы, можно подвергнуть себя нѣсколькимъ осужденіямъ; — они не знаютъ, что я не имѣла случая учиться; читала только стихи и по навыку писала для стихъ, кепорые

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества въ Харьковѣ.

Извѣстивъ кратко въ первой книжкѣ
всего журнала, объ учрежденіи здѣсь Би-

не входя въ подробные размѣры спопъ, измѣря-
ютъ одни мои чувства и говорятъ, что я пи-
шу по ихъ сердцу. Вотъ минушы, когда я меч-
таю присвоить себѣ названіе писательницы! —
Но благодарю Бога, минушы шакого ослѣпленія
рѣдки; — и я отъ чистаго сердца прошу своихъ
почтенныхъ читателей — прощать мои безчи-
сленные ошибки, поправлять ихъ, — а болѣе
всего не думать, что бы я, имѣя дерзкую мысль
занять собою публику, забыла когда нибудь свое
правило: „изъ доброй воли не ищи на судъ
людей.“ — Вы другъ мой! пребудете того; по-
винуюсь вамъ, и могу увѣрить васъ, что всего
дороже цѣню эту честь, которую вы мнѣ дѣла-
ете, помѣщая меня среди истинныхъ дарова-
ній почтенныхъ писателей украшающихъ Украин-
скій Вѣстникъ вами издаваемый.

Любовь Кричевская.

Послѣ сего скромнаго и разсудительнаго пись-
ма, вѣрно читатели не будутъ строги къ Спи-
сочворидѣ и одобрятъ ее шалантъ. Примѣч. Изд.

блейскаго общества, цѣнаемъ нужнымъ сказать нѣчто и о поводѣ, или причинѣ къ оному учрежденію. Это была любовь и приверженность къ странѣ родной, желаніе всѣмъ благодѣшительствовать и доставлять случаи къ назиданію себя, — паче же приснымъ въ вѣрѣ, въ нравахъ, въ правахъ: — это было письмо Вице-Президента Россійскаго Библейскаго Общества Захарія Яковлевича Корнѣева къ здѣшнему Г. Гражданскому Губернатору — Въ немъ видна вся доблесть Россійскаго Вельможи; — въ немъ сіяетъ истинная любовь къ вѣрѣ отцевъ нашихъ; въ немъ... но мы ничего лучше не можемъ сказать о немъ, какъ помѣстить его отъ слова до слова здѣсь, и тѣмъ предоставить всякому изъ нашихъ читателей судить по собственному чувству.

Милостивый Государь мой,

Василій Гавриловичъ!

Признательность къ мѣсту нашего рожденія и къ Сословію, гдѣ при воспи-

таніи въ юности посѣяны въ умъ и сердце добрыя сѣмена вѣры и добродѣтели, обязываетъ на весь вѣкъ наживѣйшими къ нему чувствованіями благодарности и требуетъ, да мы, по мѣрѣ преуспѣянія нашего въ теченіи жизни въ сихъ главныхъ основаніяхъ благоденствія челоѣскаго, безпрестанно обращаемъ все вниманіе на свою отчизну и на мѣсто перваго нашего воспитанія, къ дальнѣйшему просвѣщенію во истиннѣ ближнихъ и къ доставленію имъ вѣрныхъ средствъ, дѣлаться не на время токмо, но и на вѣчность благополучными.

Сей предметъ магнетически привлекаетъ меня всегда къ Слободско-Украинской Губерніи, гдѣ я родился, и къ городу Харькову, гдѣ первое получилъ воспитаніе въ вѣрѣ Христіанской, до нынѣ не представлялъ мнѣ столь вѣрнаго средства, быть полезнымъ моимъ соотчичамъ, какъ теперъ по вступленіи въ члены Россійскаго Библейскаго Общества и по избраніи онымъ меня въ Вице-Президенты.

Милостивый Государь мой! Вамъ какъ, начальнику Губерніи, и сколько я имѣю

честъ васъ знать, сердечно приверженно-
му къ вѣрѣ, безъ сомнѣнiя извѣстны и цѣль
Россiйскаго Библейскаго Общества и сред-
ства, какими старается оно достигатьъ
къ распространенiю слова Божiя не ток-
мо между вѣрующими во Иисуса, но и
между всѣми племенами и языками, дабы
черезъ безмолвное вниманiе сему вѣщанiю
божественнаго гласа собрать всѣхъ во
едино стадо подѣ руководствомъ единого
Пастыря Иисуса; къ благодѣтельному и
можно сказать Апостольскому сему зва-
нiю приглашаетъ оно всѣхъ и каждого изъ
вѣрующихъ, дабы каждого временной та-
лантъ обратить на прiобрѣщенiе вѣчнаго
плодоносiя.

Симъ движимъ будучи и я къ истин-
ной пользѣ и безсмертной славѣ моихъ
соотчичей, препровождаю при семъ от-
четъ Россiйскаго Библейскаго Общества
за 1813 годъ, нѣсколько книжекъ объ у-
спѣхахъ и цѣли онаго и Исторiи Велико-
британскаго и Иностраннаго Библейскаго
Общества, покоряѣйше прошу Ваше Пре-
восходительство сообщить оныя Дворян-
скому и прочимъ сословiямъ, для прочте-

нѣ и открышїя во оныхъ существенной пользы разпространенїя слова Божїа; которое въ короткое время, какїе удивительные успѣхи произвело во всѣхъ частяхъ обитаемаго мїра, сего безъ сердечнаго чувствованїя и благоговѣйнаго прославленїя Промысла Божїа о насъ, ни одинъ вѣрующїй читать не можетъ. Какїя же легкія къ сему средства употребляются, въ томъ каждый и самобѣднѣйшїй по имуществу человѣкъ, но въ вѣрѣ Иисуса богатый, участвовать можетъ.

Естьли вы, Милостивый Государь мой, войдя въ разсмотрѣнїе сего богоугоднаго и для рода человѣческаго наипольнѣйшаго дѣла, откроете сколько чрезъ разпространенїе прилагаемыхъ книжекъ столько и чрезъ сношенїе съ благонамѣренными и вѣрѣ Христїанской преданными людьми; каковыми губернія вамъ ввѣренная изобилуетъ, откроете говорю, много охотниковъ; то смѣю просить о заведенїи Отдѣленїя библейскаго сотоварищества или и общества и прїуготовясь къ оному отнестись ко мнѣ; тогда по представленїю моему Комитетъ Россій-

скаго Библейскаго Общества не оставить насъ снабдить всѣми нужными правилами и другими пособіями; что и весьма желательнѣе было, дабы не отстать отъ другихъ губерній и открыть благоразположеніе Слободско - Украинскаго Дворянства и всѣхъ сословій готовность на обнаруженіе тѣхъ чувствованій Христіанской религіи, которыми всегда они въ сердцѣ своемъ горятъ къ Богу. — Къ сему Обществу и нужно, и должно приглашать людей всякаго состоянія, духовныхъ и свѣтскихъ; ибо въра во Іисуса есть всѣмъ общая и слово Божіе есть для всѣхъ единственная духовная пища, безъ вкушенія которой никто не можетъ наслаждаться жизнію вѣчною.

Пока же приуготовитесь, Милостивый Государь мой, къ сему важному, истинно славному и богоугодному дѣлу, а между тѣмъ откроются охотники ко вступленію въ члены Россійскаго Библейскаго Общества и обяжутся ко взносу ежегодному каждый отъ своихъ избытковъ; то покорнѣйше прошу имена ихъ сообщить и деньги собранныя препрово-

дѣлѣ ко мнѣ; я же, взнеся оныя въ общую казну, не умедлю доставить вамъ квитанцію о полученіи денегъ; равно увѣдомлю и о полученіи и отдачѣ въ общую казну и единовременныхъ взносовъ, когда оныя случатся.

Въ прочемъ, доколѣ въ одномъ или другомъ получите Ваше Превосходительство успѣхъ соотвѣтственный неусыпному вашему попеченію, усерднѣйше прошу продолжать по сей матеріи со мною переписку, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой!

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Захаръ Карнѣевъ.

Юня 5 дня,

1815 года.

Санктпетербургъ.

Въ слѣдствіе сего письма, всѣ сослѣ-
вія приглашаемы были Г. Гражданскимъ
Губернаторомъ къ ежегодному, или едино-
временному пожертвованію въ пользу Рос-
сійскаго Библейскаго Общества. А поелику
Господа Дворяне изъявили желаніе имѣть
у себя Отдѣленіе сего Общества; то и
было о семъ предсавлено Г. Тайнымъ
Совѣтникомъ, Сенаторомъ, Государствен-
наго Совѣта Членомъ, Россійскаго Би-
блейскаго Общества Вице-Президентомъ
и кавалеромъ Захаріемъ Яковлевичемъ Кар-
нѣвымъ 23 Сентября прошедшаго года
Комитету Россійскаго Библейскаго Обще-
ства, и принято онымъ съ признаель-
ностію; для учрежденія же Слободско-
Украинскаго Отдѣленія присланы правила:

I. *Слободско - Украинское Отдѣленіе
Россійскаго Библейскаго Общества* вспомо-
ществуемъ Россійскому Библейскому
Обществу въ предиріаніи его, то есть:
въ синараніи приводить въ большее упо-
требленіе *Библію*, или книги Священнаго
Писанія *Вѣтхаго и Новаго Завета*, безъ
осякихъ на оныя прилѣчаній и поясненій.

II. Слободско-Украинское Отдѣленіе состоить изъ Членовъ всякаго вѣроисповѣданія Христіанскаго, кои внутренно убѣждены въ пользу отъ чтенія Библии произходящей и кои по тому пожелаютъ вступить въ Члены Общества, и принявъ въ трудахъ его участіе для размноженія и раздачи сихъ книгъ между жителями Слободско-Украинской Губерніи, а наипаче между бѣдными людьми.

III. Слободско-Украинское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества, для произведенія дѣлъ своихъ, избираетъ изъ Членовъ оное составляющихъ особый *Комитетъ*. Комитетъ сей составляется изъ одного или двухъ *Вице-Президентовъ*, шести или осьми *Директоровъ*, одного *Казначея* и одного или двухъ *Секретарей*. Въ отсутствіи Вице-Президента, дѣла могутъ быть разрѣшаемы подъ Предсѣдательствомъ одного изъ Директоровъ, который по списку первымъ состоитъ. Для составленія засѣданія нужно не менѣе троихъ Директоровъ съ однимъ Секретаремъ.

IV. Поелику Россійское Библейское Общество печатаетъ, покупаетъ и раздаетъ Библии на всякихъ языкахъ и каждому вѣроисповѣданію Христіанскому шѣхъ самыхъ изданій, кои Церковію каждаго вѣроисповѣданія издревле приняты и употребляютъ; то главное попеченіе Комитета Слободско-Украинскаго Ошдѣленія заключается въ содѣйствіи оному Обществу къ достиженію цѣли его по Слободско-Украинской Губерніи. Комитетъ Слободско-Украинскій не предпринимаетъ безъ согласія и вѣдома Петербургскаго Комитета никакихъ новыхъ дѣлъ, не приобретаетъ и не приводитъ въ употребленіе новыхъ и особыхъ изданій книгъ Священнаго Писанія. Какъ цѣлыя Библии, такъ и ошдѣльно Новыя Завѣшы, сколько и на какихъ языкахъ оныхъ потребно имѣть для разпродажи и раздачи въ Слободско-Украинской Губерніи, Комитетъ Слободско-Украинскій получаетъ отъ Петербургскаго Комитета за самыя умѣренныя цѣны, или узнаетъ отъ онаго, гдѣ какія изданія Библии и Новыхъ Завѣшъ доставать можно.

V. Комитетъ Слободско-Украинскій запасаетъ себя Библіями на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя нужны для жителей той Губерніи всякаго вѣроисповѣданія, — хотя бы оныя и не Христіане были, каждому на его языкѣ. Суммы на сіе пошребныя собираетъ онъ по подпискамъ ежегоднымъ, и также посредствомъ единовременныхъ приношеній. Всѣ таковыя взносы, ежегодныя и единовременныя, суть произвольныя для каждаго dobroхотнаго дашеля. Всякой даетъ, сколько хочетъ и можетъ. Подписывающіеся на *ежегодныя и ежемѣсячныя* или и *еженедѣльные* взносы какой либо суммы, признаются *Членами*; а дающіе *единовременное* приношеніе — *Благотворителями* Россійскаго Библейскаго Общества вообще; но принадлежать въ особенности къ Слободско-Украинскому Отдѣленію онаго.

VI. *Казначей* принимаетъ всѣ деньги, ежегодно и единовременно, ежемѣсячно и еженедѣльно вносимыя и даетъ въ шомъ за своимъ подписаніемъ *кошлыски* или *квитанціи*. Собираемыя такимъ образомъ суммы хранить онъ у себя и не иначе

выдаетъ, какъ по приказамъ, которые даются ему за подписью Вице-Президента и Секретаря, или Предсѣдательствовавшего Директора за отсутствіемъ Вице-Президента, по положеніямъ въ засѣданіяхъ Комитета дѣлаемымъ. Казначей ведетъ у себя вѣрныя записки и счефы всѣмъ приходамъ и расходамъ, каковыя во всякое время должны быть готовы для представленія и повѣрки Членамъ Комитета. Каждый годъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ подаетъ онъ счефы свои Комитету, который разсматриваетъ оныя самъ, или поручаетъ по нѣкоторымъ изъ своихъ со-членовъ.

VII. Секретари ведутъ Журналы каждому засѣданію Комитета. Журналъ таковой каждого засѣданія подписывается Вице-Президентомъ; а въ отсутствіи его тѣмъ изъ Директоровъ, который занималъ первое мѣсто въ засѣданіи и Секретаремъ. Секретари заготовляютъ и производятъ также всю переписку по дѣламъ Общества.

VIII. Комитетъ собирается каждый мѣсяцъ по одному разу; а если нужда

потребуешь, то и чаще. Въ засѣданіяхъ своихъ Комитетъ занимается разсмотрѣніемъ успѣха въ предпринятыхъ имъ дѣлахъ и количества собранныхъ суммъ, — разсужденіемъ о запасеніи себя потребнымъ числомъ Библій на тѣхъ языкахъ, на коихъ оныя для жителей Слободско - Украинской Губерніи нужны, — прочтеніемъ получаемыхъ бумагъ и сношеній разныхъ мѣстъ и лицъ съ Комитетомъ, — и разрѣшеніемъ, что отвѣстствовать на оныя. Время засѣданія Комитета назначается Вице - Президентомъ, а въ небытность онаго первымъ изъ Директоровъ; созывъ же Членовъ въ засѣданіе производится чрезъ Секретаря.

IX. Наличные въ Харьковѣ Члены Библейскаго Общества имѣютъ каждый годъ въ началѣ Генваря *генеральное Собраніе*, въ которомъ слушаютъ отчетъ Комитета Слободско-Украинскаго въ управленіи имъ дѣлъ и въ употребленіи собранныхъ суммъ въ теченіи года. Отчетъ шаковый, вмѣстѣ съ имяннымъ спискомъ Членовъ и Благотворителей по алфавиту, препровождается потомъ немедленно въ Пе.

шербургскій Комитетъ, который печатаетъ все то съ своимъ отчетомъ.

Х. Въ Генеральномъ Собраніи, по выслушаніи отчета, избираются новые Директоры Комитета; ибо половина оныхъ каждый годъ перемѣняется. Тѣ изъ нихъ, кои въ сеченіи минувшаго года часто бывали въ засѣданіяхъ Комитета, могутъ быть и снова избраны. Выборъ въ Директоры производится изъ Членовъ Общества по естѣ инѣхъ, кои подписались на опредѣленные всегда взносы денегъ.

1816 года, Генваря 12 дня Г. Гражданскій Губернаторъ пригласилъ всѣхъ Членовъ Россійскаго Библейскаго Общества по Слободско-Украинской губерніи для назначенія Членовъ Комитета Отдѣленія, и избраны посредствомъ баллотированія Вице-Президентами: Василій Тавр. Мурашовъ и Андрей Фед. Квишка; Директорами: Прошюерей Андрей Сем. Проконевичъ, Борисъ Егор. Терсигановъ, Николай Вас. Лосевъ, Александръ Мир. Врѣмевъ, Тимофей Мир. Врѣмевъ, Іона Ник. Познанскій, Демьянъ Ив. Булычевъ и Федоръ Макс.

Павловъ; Казначеемъ Андрей Ив. Косовскій; Секретарями: Андрей Ив. Кереишовъ и Гаврила Ив. Борель.

1816 года Генваря 21 дня Комитетъ Слободско - Украинскаго Отдѣленія Россійскаго Библейскаго общества имѣлъ первое засѣданіе, и положено въ ономъ между прочимъ:

Для успѣшнѣйшаго приглашенія въ Члены и Благотворители Общества назначивъ Корреспондентами онаго: по Харьковскому уѣзду Іону Ник. Познанскаго; по Изюмскому Ивана Яков. Тихоцкаго; по Волчанскому Александра Мир. Времева; по Куленскому Егора Ильича Мѣчникова; по Валковскому Демьяна Ив. Булычева; по Богодуховскому Федора Макс. Павлова; по Ахтырскому Аполлинарія Львов. Шагарова; по Зміевскому Александра Аким. Бедрягу; по Сумскому Николая Ильича Савича, и по Лебединскому Николая Васильевича Лосева.

Дабы господа Члены Общества могли дѣйствовать въ точности по правиламъ для онаго постановленнымъ, определено напечатать 600 экземпляровъ правилъ и

снабдить оными каждого изъ гг. Членовъ.

Поступившія отъ Членовъ и Благотворителей общества деньги 2800 руб. отпразднать въ Комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества съ прозбою о доставленіи Библій: на Нѣмецкомъ языкѣ двадцати, Французскомъ десяти, Латинскомъ пятидесяти; на остальные же за тѣмъ деньги Библій на Россійскомъ языкѣ, сколько придется экземпляровъ.

Ошнесшись въ Московское Отдѣленіе Россійскаго Библейскаго Общества о перечисленіи изъ онаго въ Слободско-Украинское Членовъ поступившихъ труда по здѣшней Губерніи, въ слѣдствіе приглашенія Г. Протоіерея и кавалера Андрея Сем. Прокоповича. —

Успѣхъ сего Отдѣленія Библейскаго Общества отвѣчаетъ тому усердію ко благу общему, коимъ здѣшнее Дворянство и другія сословія имѣли случай отличить себя. Оно доселѣ имѣетъ уже *сидесятъ девять* Членовъ, которые обязались ежегодно вносить 1253 руб. 50 коп.

Число же приношеній вообще отъ Членовъ и Благотворителей Общества простирается свыше 3000 руб.

Неимѣющіе ожидаютъ съ нетерпѣи-
емъ души жаждущей своего спасенія при-
сылки Библій на разныхъ языкахъ. Когда
они пришлются; то мы надѣемся имѣть
удовольствіе сообщить какія нибудь черты
нашихъ соотечественниковъ больше всего
приверженныхъ къ вѣрѣ предковъ и столько
снискавшихъ чрезъ то себѣ славы и щастія.

Харьковское Общество Благоотво- ренія.

Предполагая при годовомъ отчетѣ Со-
вѣща сказать о всѣхъ пожертвованіяхъ
здѣланныхъ въ теченіе года сему Обще-
ству, — мы щитаемъ однакожь и теперь
приятнѣйшимъ долгомъ извѣстить на-
шихъ читателей о концертѣ данномъ въ
прошедшій великій постъ лучшими здѣш-
ними виртуозами и любителями музыки.

Представленія на театрѣ нашемъ и
всѣ общественныя увеселенія кончились
съ послѣднимъ днемъ масленицы. Умы
всѣхъ устремились къ благомыслию и пер-
вая мысль была: здѣлать пожертвова-
ніе въ пользу Института для воспитанія
бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ здѣсь учреж-
деннаго. Виртуозы и любители музыки

предложили Совѣту Общества, — что они дадутъ концертъ, который бы доставилъ и удовольствіе людямъ съ образованнымъ чувствомъ, и способъ здѣлать благошвореніе. Г. Вишковскій извѣстнѣйшій искусвомъ своимъ на скрипкѣ — ученикъ Гайдена, и Г. Шуманъ на віолончелѣ — ученикъ также славнаго Ромберга, были первые въ семъ концертѣ. Не доставало фортепіана, — и это очень затрудняло согласившихся дать концертъ; хотя къ чести города сказать должно, что здѣсь много есть играющихъ на семъ инструментѣ достойныхъ вниманія большой и просвѣщенной публики. Всѣ они однакожь не рѣшались на сію новость здѣсь еще никогда небывалую; всѣ имѣли причины отклонить отъ себя предложеніе, хотя ни одна изъ причинъ сихъ не имѣла въ полной мѣрѣ справедливаго основанія. Наконецъ виртуозы обрадованы были согласіемъ участвовать въ концертѣ *Александры Ивановны Каменской*, дочери здѣшняго почтеннаго Профессора и Доктора Медицины — той самой, которая извѣстна читателямъ нашимъ по прекраснымъ сво-

имъ переводамъ помѣщеннымъ въ семь Журналѣ. Рѣшимость сей Дѣвицы по всей справедливости заслуживаетъ всякое уваженіе : не дорожа толками могущими произойти отъ мнѣній различно понимающихъ ея намѣреніе и отнюдь не отъ самонадѣянности на свой талантъ,— а имѣя единственное желаніе вспомошествовать сиротамъ воспитывающимся въ Институтѣ, рѣшилась она участвовать въ концертѣ. И въ самомъ дѣлѣ многими, которые или не любятъ благошворить такимъ образомъ, или не думаютъ о намѣреніи съ какимъ предпринимается что нибудь,— многими казалось не прилично благородной дѣвицѣ играть предъ публикою и еще за деньги. Но эта мысль не заслуживаетъ никакого возраженія и опровергается всеобщою похвалою во всѣхъ подобныхъ ему случаяхъ. Развѣ только не читали шакъ мыслящіе журналовъ; иначе увидѣли бы: что подобный поступокъ, когда Г-жа Франкъ, жена знаменитѣйшаго въ Европѣ Доктора молодого Франка, содержала своими концертами цѣлый клинической Институтъ Виленскаго Университета —

что сей поступокъ доведенъ даже до свѣдѣнія начальства и принять съ отмѣнною признашельностію. Другимъ казалось лучшимъ здѣлать пожертвованіе прямо отъ себя и даже не объявляя своего имени. Противъ сего шакже возраженій быть не можеть; но всякой ли равно имѣеть возможность здѣлать *отъ себя* пожертвованіе, какъ другой? Всякому ли дано *лѣтъ талантовъ*? И не часто ли сїи люди *могущіе пожертвовать отъ себя*, остающіся при сей только возможности; между тѣмъ какъ другіе дѣйствительно жертвуютъ, чѣмъ могутъ и заслуживаютъ истинное названіе благотворителей? — При томъ же, благотворить мы должны *отъ своей собственности*; но какая собственность можеть почесться справедливѣе шаковою, какъ недушевчяя способности наши, какъ не внутреннее наше образованіе? И чѣмъ даже мы можемъ облагородствовать искусства наши, для коихъ при воспитаніи дѣвицъ употребляется теперь столько времени и издержекъ, — какъ не обращеніемъ сихъ искусствъ на дѣла общепользныя, благотворныя?

Мнѣнія и толки остались мнѣніями безъ всякаго вліянія. Концертъ былъ, какого только желать можно; скрипка, виолончель и фортепіано восхищали попеременно слушателей. Искусство и приятность были совершенны; здѣсь наслаждались душа, сердце, слухъ и зрѣніе.

Самый оркестръ былъ не обыкновенный оркестръ: онъ весь почти состоялъ изъ Гг. Студентовъ здѣшняго Университета, кои всегда отличались *благоуравненными поведеніемъ и вѣжливостію* и кои пожелали также участвовать въ благотвореніи, каждый посредствомъ своего таланта въ музыкѣ.

Наша Публика приняла сей концертъ съ великимъ уваженіемъ. Всѣ Особы знаменитѣйшія въ городѣ и умѣющіе цѣнить поступки добрыхъ и челоуколюбивыхъ душъ, посѣтили его, — и тѣхъ изъ нихъ только не было, коимъ возпрепятствовала какая нибудь совершенная невозможность. Словомъ, виртуозы и любители музыки имѣли слушателей — знающихъ оцѣнить справедливость искусству ихъ и чувсвамъ.

Общая сумма сбора, для жителей больших городов, — а особливо для жителей Столицъ, конечно покажется малою; но мы надѣемся, что вездѣ уважено будетъ намѣреніе, съ какимъ данъ былъ сей концертъ, — и раздѣлятся чувства признательности къ благотворителямъ, обще съ нами: ибо Россіяне, исповѣдающіе святѣйшую и блаженнѣйшую вѣру, знаютъ цѣнишь и тысячи, и лепты. Особенныя приношенія сверхъ назначенной цѣны за входъ въ залу Института, гдѣ данъ концертъ, были:

Отъ Его Пр-ва Г. Губернатора В. Г.

Муратова за 1 билетъ	- -	25 руб.
— Неизвѣстнаго военного чиновника, за 3 билета	- - -	60 —
— Тоже за 3 билета	- -	50 —
— Тоже за 1 билетъ	- - -	10 —

Даже и на другой день послѣ концерта представлено:

Отъ неизвѣстной Особы кусокъ холста.

— Лейбъ - Гвардіи Шш. Ротм. и Кав. И. И. Бедряги и жены его Маріи Андреевны	- - - -	25 —

Отъ Учителя музыки въ Институтъ
 пѣ И. А. Воронца - - - 10 руб.
 — Неизвѣстной Особи - - - 5 —

Такимъ образомъ и нынѣшній годъ сей Институтъ имѣлъ щастіе видѣти умноженіе для себя благодѣяній. Особливо восхищенъ онъ былъ въ Февралѣ мѣсяцѣ посѣщеніемъ Его Сіятельства, Тайнаго Совѣтника, Сенагора, Попечителя Харьковскаго учебнаго Округа и разныхъ орденовъ Кавалера, Графа Северина Осиповича Пошоекаго, — какъ главнаго своего начальника по учебной части. Его Сіятельство посѣтилъ Институтъ тогда, какъ никто изъ Членовъ Совѣща и не думалъ о семъ, — вошелъ во всѣ подробности, о всемъ разспросилъ и всѣмъ остался совершенно доволенъ. На другой день ярибыль онъ также во все не ожиданно во время обѣда воспитанницъ и, присутствуя при ономъ, разспрашивалъ обо всемъ касающемся до экономической части и даже удивился, что такими малыми средствами въ такомъ порядкѣ содержится и такъ превосходно довольно большое заведеніе. Графъ, изъявивъ

Г-жѣ Смѣрительницѣ свое удовольствіе за найденное имъ по ея части совершенное устройство, подарилъ 200 рублей собственнo для воспитанницъ Института, изъ коихъ 50 руб. поручилъ употребить на угощеніе и музыку для нихъ; Членовъ же Совѣта увѣрилъ, что употребить возможное стараніе поддерживать сіе заведеніе, если оно будетъ имѣть нужду по его части. Хвала и честь сынамъ просвѣщенной, свыше благословенной Россіи!!—

V. СМѢСЬ.

О новой системѣ воспитанія для первоначальныхъ училищъ.

(Изложеніе системы съ общими на нее примѣчаніями Ж. Б. Ся, по поводу изданной въ Парижѣ книги о семъ предметѣ Карломъ Листеромъ.)

(Изъ Монитѣра).

Надобно ли просвѣщать народъ, или лучше эту часть народа, которую необходимо осуждаешь на зависимость и работу? — Вотъ одинъ изъ вопросовъ, рѣ-

шеніе коихъ весьма затруднительно, — когда они выражаются слишкомъ общимъ образомъ; но оно дѣлается проще, когда смыслъ ихъ излагается опредѣленнѣе. Напримѣръ естли спрашивается: *надобно ли, чтобы люди даже самыхъ низкихъ классовъ знали читать, писать и ариметику?* то въ этомъ кажется ничто не попротивурѣчить.

И такъ, допустивши вообще такое основаніе, желательное, — чтобы всякой умѣлъ по крайней мѣрѣ читать, писать и считать. При семъ замѣтимъ еще и то, что это должно удовлетворить самимъ защитникамъ просвѣщенія — болѣе обширнаго. Ибо для того, чтобы знать въ сихъ отношеніяхъ больше, — надобно узнать сперва только *это*; и съ такимъ первымъ образованіемъ, повсюду распространеннымъ, по крайней мѣрѣ можно надѣяться, — что ни одинъ необыкновенный талантъ не останется погребеннымъ въ безвѣстности; потому что у него будутъ уже средства, съ помощію которыхъ онъ можетъ усовершенить себя и издѣлаться извѣстнымъ. (*)

(*) См. выше стр. 65. Франклинъ этому самый лучший примѣръ. Пр. Переводчика.

Сверхъ того какое-то чувство внушаетъ каждому изъ насъ, — что приятнѣе жить между образованнымъ народомъ, нежели средѣ дикой орды; но народъ не образованъ, когда ему незнакомы еще сїи первыя основанія нашихъ познаній.

Какъ же надѣлать этимъ низшіе классы народа? Обученіе, сколь бы просто ни было, предполагаетъ всегда нѣкоторыя издержки; но ксшатъ ли говорить объ издержкахъ шѣмъ семействамъ, которыя не всегда даже увѣрены и въ насущномъ хлѣбѣ? Должны ли правительства употреблять на это иждивеніе? но въ большихъ государствахъ Европы совсѣмъ нельзя надѣяться на сїю помощь: они думаютъ о томъ только, чтобы увеличить свою силу и обезпечить торжество своей политической системы и думаютъ о семъ болѣе, нежели о средствахъ содѣйствовать благосостоянію народовъ. Это особенно примѣтно въ Англіи, гдѣ почти нѣтъ ниодного похвальнаго заведенія, которое было бы основано правительствомъ; и это побудило частныхъ людей сея земли соревновать въ заведеніи

многихъ общепользныхъ учрежденій до того, что теперь нѣтъ нигдѣ такого числа благотворительныхъ заведеній, какъ тамъ. И конечно усилія, которыя въ отдѣльности будучи взяты остались бы тщесны, подкрѣпляются соединеніемъ и направленіемъ своимъ къ одной и тойже цѣли.

Однимъ изъ предметовъ, въ которыхъ сѣи похвальные общества имѣли наиболѣе успѣха и слѣдственно сдѣлали много добра, — было учрежденіе первоначальныхъ училищъ по новому плану для образованія народа въ Великобританіи и другихъ земляхъ. (*)

Извѣстно, что чрезмѣрные налоги въ Англіи возвысили до чрезвычайности цѣну на всѣ жизненные припасы; плаща же за труды не увеличилась по соразмѣрности. Почему увѣряютъ, что претѣя часть народонаселенія въ Англіи т. е. почти весь классъ ремесленниковъ получаетъ пособія отъ приходовъ (*parishes*), которыя будучи

(*) Сочинитель сей статьи самъ не давно путешествовалъ по Англіи и Шотландіи; онъ повсюду былъ свидѣтелемъ щасливыхъ дѣйствій, произведенныхъ сими новыми училищами.

присовокупляемы къ ежедневной выручкѣ достаточны для поддержанія ихъ семействъ. Но этимъ ограничивается все; на ученіе ничего не остается.

Въ первые годы сего столѣтія Учитель Лондонскихъ малыхъ училищъ Г. Ланкастръ весьма успѣшно употреблялъ многіе способы ученія, съ помощію коихъ онъ дошелъ до того, — что могъ учить при малыхъ издержкахъ весьма большое число дѣтей. Благomyслящіе люди, побуждаемые выгодами, коихъ надѣялись отъ повсемѣстнаго введенія сихъ способовъ, — соопавили филантропическое для сего предмета общество. Съ его помощію Г. Ланкастръ сдѣлалъ еще большіе успѣхи и приобрѣлъ себѣ извѣстность, которая немного вскружила ему голову. Онъ сдѣлалъ ошибки; общество, обезпечивъ жребій его, — но не желая хорошее въ сей методѣ смѣшавъ и испортивъ странностями творца ея, — неутомимо старалось усовершенствовать и разпространить ее. И оно столько въ томъ успѣло, — что теперь въ Англіи не только нѣтъ ни одного города, въ которомъ бы не было одной или

нѣсколько такихъ школъ; но ихъ учредили также и во всѣхъ Британскихъ владѣнiяхъ внѣ Европы. Общество, одушевляемое человеколюбіемъ, — нестерпящимъ исключеній, равномерно благопріятствовало введенію сей системы и у всѣхъ народовъ.

Чтобы просвѣщеніе сдѣлать общимъ, — вотъ первое условіе: оно должно быть сопряжено съ очень малыи издержками. Въ такомъ случаѣ семейства, коихъ способности ограничены, могли бы удобно достигнуть извѣстнаго степени образованія; при томъ же во всякомъ мѣстѣ люди достаточные — руководимые чувствами патріотизма, человеколюбія, или религіи, — тѣмъ охотнѣе стали бы содѣйствовать просвѣщенію самой бѣдной части народа, что для этого были бы потребны только малыя издержки. И такъ при составленіи сего плана сначала обратили вниманіе на *экономію*. Тутъ почти совсѣмъ не употребляютъ книгъ, чернилъ и бумаги: въ классѣ самыхъ малолѣтнихъ дѣтей, которые ничего еще не знаютъ, на водобѣ стояла поставлена длинная доска съ

нѣсколько выдающимися краями; на ней разсыпается чистый песокъ. Передъ учениками вѣшакъ клеенку, на которой изображена какая нибудь буква въ очень большомъ видѣ и которую дѣти списываютъ, чертя пальцемъ по песку. Потомъ Смотритель обходитъ каждого изъ нихъ, заставляетъ произносить букву, поправляетъ ее пальцемъ, если она не правильна; и наконецъ всѣ проведенныя черты заглаживаютъ съ помощію дощечки, которою водятъ по песку. Послѣ сего выставляются другая буква и начинается вновь такимъ же образомъ ученіе.

Въ классахъ, которые выше сего, воспитанники имѣютъ при себѣ аспидныя дощечки, на которыхъ пишутъ сперва одну букву, потомъ двѣ; далѣе двогласныя, потомъ слова; наконецъ въ классахъ, гдѣ обучаютъ ариметикѣ, находятся таблицы, — на которыхъ цифры изображенныя на дощечкахъ, разставляются и соединяются различнымъ образомъ въ мѣстечкахъ сдѣланныхъ для помѣщенія ихъ. Нѣсколько учениковъ употребляется при дѣланіи одного ариметическаго правила. Для чте-

нїя связной рѣчи употребляюща маѣнїя, или изрѣченїя напечатанныя большими буквами и наклеенныя на бумагѣ.

Второй экономическій способъ состоитъ въ употребленїи самихъ учениковъ въ качествѣ учителей. Училище раздѣляется на восемь классовъ, въ коихъ ученики дѣлятся по ихъ знанїямъ. Одинъ, или многіе изъ воспитанниковъ втораго класса учать первый, въ кошоромъ находятся самыя малые и очень мало знающіе. Воспитанники третьяго класса учать второй и т. д. такъ что для училища, состоящаго изъ пяти сотъ учениковъ, потребенъ одинъ только учитель и издержки на каждаго ученика не превосходятъ въ Англіи, (гдѣ все такъ дорого), 7 шиллинговъ (около 9 рублей) въ годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и при томъ когда училище многочисленно, ежегодныя издержки на ученика не превышаютъ даже 6 рублей. И когда подумаешь, что образованїе въ нихъ получаемое скоро и превосходно; то сердечно пожалѣешь, еслии не употребляя повсюду способа — якакъ ма-

ло стоящаго и столь успѣшнаго для образованія грубой части народа.

Экономіи не довольно. Для полученія полнаго успѣха надобно было найти средства и къ тому, что бы остачавливать и исправлять бѣглое вниманіе дѣтей. Не желая употреблять никакого тѣлеснаго наказанія, которое могло бы отвратить дѣтей и родителей отъ училищъ, — должно было искать сихъ средствъ въ природѣ человѣческаго сердца и въ устройствѣ самыхъ училищъ.

Первое изъ сихъ средствъ есть соревнованіе, кошорымъ по моему мнѣнію совершенно тамъ воспользовались. Въ степеняхъ образованія воспитанники находятся одни передъ глазами другихъ; но не передъ цѣлымъ училищемъ, а передъ своими соревнователями, — передъ глазами тѣхъ, кошорые могутъ наилучшимъ образомъ слѣдовать за ихъ успѣхами и цѣнить ихъ. Училище раздѣлено на 8 классовъ; каждый классъ на отряды изъ восьми учениковъ и одного Смотрителя. Въ каждомъ отрядѣ ученики разпоряжены по степенямъ ихъ знаній; но шаковой порядокъ непостоя-

нень и поминушно перемѣняется. Представьте себѣ учениковъ одного опряда поставленныхъ передъ прикрѣпленную къ стѣнѣ доскою, на которой изображены большими буквами слова. Смотритель опряда указываетъ своей палочкой ученику перваго N° на слово и заставляетъ произносить его; ежели онъ не отвѣчаетъ потчасъ, то спрашиваетъ у N° 2, N° 3; произнесшій слово переходитъ на первое мѣсто; а другіе такимъ образомъ принуждены бывають понизиться на одну степень. При ариѳметическихъ задачахъ наблюдается тоже: если N° 6 не знаетъ, или ошибается и если скажетъ то число воспишанникъ нижшій; то сей застываетъ мѣсто N° 6-го;—и это наблюдается такъ строго, что ученики никогда не дожидаются, чтобъ ихъ заставили перемѣнить мѣсто: они сами разпоряжаются, смотря по ихъ знаніямъ — и не терпятъ между собою ни малѣйшаго обойденія.

Еслижъ надобно посмотрѣть, кто лучше написалъ на аспидной дощечкѣ; то два N° съ своими дощечками подходятъ къ учителю, поднявши ихъ передъ собою.

Учитель, не говоря ни слова, дотрогивается пальцемъ до шой, на которой написано лучше и — это первый.

Такимъ образомъ одинъ оспариваетъ передъ другимъ свои знанія, такъ что невозможно лучшему ученику не сдѣлаться въ короткое время первымъ въ первомъ оспрадѣ и не перейши въ высшій классъ въ то время, какъ скоро онъ столько успѣетъ, что будетъ имѣть на то право.

По видимому опасаться можно, чтобы соревнованіе такъ живо и такъ постоянно возбуждаемое, при многихъ хорошихъ дѣйствіяхъ, не произвело нѣсколько худыхъ: зависти, ненависти, вражды и пр.; но я не примѣтилъ этого ни малѣйшаго слѣда и думаю всё происходитъ отъ того, что сїи преимущества не долговременнѣ самой заслуги. Тотъ, кто былъ пониженъ нынѣ, можетъ надѣяться быть повышеннымъ завтра.

Таже сила соревнованія не менѣе можетъ быть успѣшна и въ наукахъ болѣе важныхъ. Въ высшемъ училищѣ Эдимбургскомъ, коего устройство сообразное съ

началами сей новой системы дѣлаешь
 сколько чести Г. Миллансу, — пять Про-
 фессоровъ учать Греческому и Латин-
 скому языкамъ *семь сотъ* воспитанниковъ
 и съ великимъ успѣхомъ.

Поелику во всей этой системѣ во-
 спитанія всегда искали только средствъ
 въ природѣ вещей и въ свойствахъ чело-
 вѣка, такъ какъ онъ есть; то увидѣли,
 что, дабы не утомить вниманіе дѣшей, на-
 добно поддерживать его разнообразіемъ и
 въ тоже время удовлетворять нуждѣ
 движенія столь необходимаго юному воз-
 расту. Сіи училища не походятъ, какъ обы-
 коновенныя, на галеры, — въ которыхъ
 каждаго ученика насильно заставляють
 быть исправнымъ. Новыя училища пред-
 ставляють рабочую, въ которой часть
 работающихъ бываетъ въ постоянномъ
 движеніи. Залы вообще имѣють видъ длин-
 наго четырехугольника, въ концѣ котораго
 на возвышеніи стоитъ учительскій столъ.
 Скамьи и неподвижныя столы учениковъ
 разставлены передъ нимъ на небольшой
 покатоcти, какъ въ театральныхъ пар-
 тетахъ. Телеграфическій знакъ дають

знать одному изъ классовъ, что онъ долженъ заниматься *тѣмъ-то*, на пр. складывать слова. Въ ту же минуту всѣ отряды того класса оставляютъ мѣста и идутъ, каждый подъ командою своего смотрителя, ступая въ одинъ шагъ и размѣрно ударяя руками. Такимъ образомъ подходятъ они къ училелю и принимаютъ дощечки, которыя онъ раздаетъ имъ. Учениковъ, которые идутъ рядомъ одни за другими, заставляютъ ногами и руками бить въ тактъ, — дабы они не спалкивались другъ съ другомъ.

Наконецъ несутъ таблицу въ такомъ же порядкѣ и привѣщиваютъ ее къ стѣнѣ въ назначенномъ для нея мѣстѣ. Ученики становятся на подобіе полукруга около таблицы и смотритель съ палочкою въ рукѣ спрашиваетъ ихъ. Всѣ эти малютки устремляютъ вниманіе свое на того, который отвѣчаетъ, — дабы отвѣчать въ свою очередь, еслили потѣ ошибется и — быть повышеннымъ. При другомъ знакѣ всѣ отряды возвращаются на свое мѣсто; отряды другого класса выступаютъ съ такими же церемоніями.

Хотя въ училищѣ не умолкаетъ шумъ и не прерывается движеніе; но поелику шумъ и это движеніе правильны, — то они ни мало не развлекаютъ тѣхъ, кои заняты другимъ упражненіемъ.

При семъ устройствѣ, по которому всѣ воспитанники безпрестанно находясь передъ глазами своихъ товарищей, — и гдѣ однакожъ никогда не бываетъ соединено вдругъ болѣе восьми подъ однимъ смотрителемъ, который безпрестанно опасается потерять свое почетное мѣсто, — безпорядки очень трудны и весьма рѣдки. При ученикахъ ли находится учитель или нѣтъ его; — все идетъ своимъ порядкомъ. Помощникъ учителя, каковымъ бываетъ воспитанникъ наиболѣе успѣвшій, наблюдаетъ тоже смотрѣніе за ними. Если же понадобится смотрителю отлучиться; то его мѣсто заступаетъ номеръ самый высшій изъ его отряда. Отсюда выходитъ самое простое послѣдствіе, — что довольно бываетъ очень нестрогихъ наказаній, да и то рѣдко. Кое-когда попадаетъ дитя съ запискою на груди: *ученикъ шалунъ*, или *неопрятный ученикъ*.

своевольный ученикъ. Рѣдко сажаютъ ихъ въ карцеръ. . .

По такому же плану есть училища устроенныя и для дѣвицъ; и даже въ школахъ сего рода, учрежденныхъ въ Голландіи и въ Англіи, порядокъ столь совершенъ, — что дѣвушки могутъ учиться въ училищахъ мальчиковъ безъ малѣйшихъ при томъ неудобствъ.

Г. Ластери присовокупляетъ свое желаніе, чтобы составилось Общество для сего и въ Парижѣ. И его желаніе теперь исполнено.

Г — йй.

Желанія членовъ сихъ иностранныхъ Обществъ должны быть желаніями всѣхъ и нашихъ образованныхъ, благомыслящихъ соотечественниковъ.

Конечно не такого мнѣнія будетъ та помѣщица, которая на вопросъ: почему не столько занимаются въ господскихъ деревняхъ заведеніемъ приходскихъ училищъ? отвѣчала: если наши подданные будутъ умиѣть читать и писать; то имъ не долго заметить, что они умнѣе своихъ господъ Мужикъ долженъ

быть мужикомъ, какъ онъ сотворенъ. Жалкая мысль! это показываетъ съ одной стороны слабость понятія, а съ другой самую глупую гордость. И я конечно съ сожалѣнїемъ предалъ бы забвенію такую гнусную черту; если бы слова сей по-мѣщицы не были отголоскомъ многихъ подобныхъ ей, какъ женскаго шакъ и мужескаго рода.

Таковымъ бы сказалъ я: думаете ли вы, что вашъ крестьянинъ начинавшійся Русскихъ книгъ, — за нравственность которыхъ ручается наша благоразумная цензура, — будетъ для васъ вреднѣе, нежели вашъ сынъ, или вашъ внукъ — написанные ученїемъ Гельвеція и подобныхъ мудрецовъ — для отечества? — Изъ двухъ пы-сячь, которые платите вы Французу, отдѣ-лите только пять сотъ для вашего учили-ща; дайте новыя занятія церковнослужи-телямъ, дабы они могли быть существенно полезны, — и будьте спокойны на щотъ то-го, что ваши *лодданные* будутъ умнѣе васъ: они за то и вамъ больше принесутъ поль-зы, — по Руской пословицѣ: *за одного умнаго дасть десять глупыхъ.*

Переводчикъ.

Письмо къ Издателямъ.

Милостивые Государи и любезные месье!

Же су месье, что вы мои письма вывели въ люди; примите ужъ и вошь это со всѣмъ особеннаго содержанія отъ прежнихъ, — порадауйтесь моей радости и щастливому обороту въ моей жизни. Вы скажете: *со святыми улокой* женѣ моей? — Нѣтъ: она жива, здорова, весела, добра — и это истинна. Чего не здѣлають Французы! Правда, — что легче было имъ овладѣть Москвою, нежели переменить нравъ моей жены; но они и въ томъ успѣли. Вошь какъ: — скучаль я вамъ, да и скучаль о Французѣ - то; ждашь - пождашь, нѣтъ ничего. Ужъ и Вѣстника вашего вездѣ начинались, а хлѣбникъ не бываль; да и вы въ отвѣтъ мнѣ ни одного словечка: ожидашь ли, или нѣтъ. Вошь я и шужу, шужу; — вдругъ вечеромъ входяшь чело-вѣкъ бѣдно одѣшый, видной, стройной, ловкой и слѣдовательно умной; начинаетъ худымъ Рускимъ языкомъ просить позво-

ленія переночевать въ домѣ —, Милости просимъ, отъ хлѣба — соли не отказываемъ; мы Рускіе любимъ и враговъ ухлѣбимъ. Ваша честь кто таковы?,, — Тутъ онъ съ полчаса выщипывалъ свои прозванія и родословную; вышло что онъ старой Французской Графъ, а новой Баронъ; — повредивъ нечаянно лапку постѣльной собачки принадлежавшей любовницѣ камердинера Секретарскаго, который служилъ при докладчикѣ перваго Министра, — былъ онъ сосланъ куда то, подобно какъ у насъ въ Сибирь; — потомъ когда покойникъ Наполеонъ вышелъ въ люди; то и всѣ ссыльные снами также въ чести и онъ опять досталъ себѣ черезъ нѣсколько чиновъ одинъ огромный. Послѣ замиренія пустился вояжировать; а неподалеку отъ нашего села люди его бросили, уѣхали и онъ остался почти какъ при рожденіи своемъ; — вотъ въ короткихъ словахъ его длинная Исторія. Привсталъ я послѣ сего и, снявъ долой свой колпакъ, просилъ Его Сіятельство садиться; а между тѣмъ, велѣвъ зажечь другую свѣчу, пошелъ докладывать своей женѣ о вновь прибывшемъ гостѣ. Послѣ обыкно-

венной перепалки и выговора, за чѣмъ всякую дрянъ оставляю почевать, вышла и она къ нему. А сказавъ слова два-три замѣтила, что гость этотъ человекъ бойкій. — Вотъ мы и пустилися въ распросы про его землю и про другіе иностранныя. Разказы его полились рѣкою, хотя мушною отъ смѣси Французскаго съ Рускимъ: то усядется онъ на корабль, то верьхомъ поскачетъ, то въ плѣнь попадется, то арміею закомандуетъ — словомъ вышелъ золотой человекъ. Изъ сего разговора узналъ я въ первой разъ въ жизни, что въ каждомъ государствѣ разные нравы и обычаи. Вѣдь чудеса же на свѣтѣ! Кому бы пришло въ голову замѣтить это? А Французъ не пропустилъ. Между тѣмъ вошла Дуняша; онъ къ ней съ поклонами, да съ привѣтствіями; — она спала въ тупикъ, и я взялся вывести ее изъ замѣшательства. — „Не погибайся Мусье, дѣвка-та еще необразована и не умѣетъ сказать по вашему учиваго слова, — Какъ вскрикнетъ мой графъ по своему — и понесъ свою аллегорію! — Я думаю, чію намъ шутъ досталось; попомъ пря-

мо поруски упрекаль насъ, что мы губимъ дѣвку не воспитывая. Жена обрадовалася случаю бранишься и давай всю бѣду на меня сворачивать, а я — прошу не погнѣваться — сворошилъ ее на васъ Гг. и рассказалъ, какъ дѣло было. Тутъ-то онъ васъ пожурилъ за невниманіе къ нуждамъ своихъ собратій, тѣмъ больше что Француза въ каждомъ городкѣ можно найти. При семъ и я пробормоталъ про себя старинную пословицу: правда въшь *Француза и фальшивую монету чортъ носить по всему свѣту*. Наконецъ кончилъ онъ тѣмъ, что размышляя съ полчаса, вызвался, — не хотимъ ли мы его имѣть учителемъ? Меня обдало холоднымъ попомъ. — „Батюшка пы мой, Г. „мусье графъ, Ваше Баронское Сіятельство! Да какъ намъ про этакую честь, „и подумаешь? да чѣмъ мы вамъ пла- „тимъ будемъ?.. — Фуй, плашится. Я чело- „вѣкъ благородной и въ состоянїи самъ дамъ вамъ жалованье; я буду учить ее изъ жалости, безъ всякой платы. Но что бы не унизишь чести *великой нации*, будто Французы могутъ чѣмъ нибудь жертво-

вать, или служить изъ куска хлѣба, — я стану брать у васъ въ годъ 2000 руб. для моего камердинера. Ни слова больше не смѣйте мнѣ для него предлагать; я васъ увѣряю, что онъ изъ честолюбія больше не возьметъ. — И такъ Мм. Гг. ни думано, ни гадано, — а у насъ очутился учитель, да еще и безъ плаши, да еще Графъ и Баронъ! Нѣчего дѣлать; съ знатнымъ не пняжись, а особливо нашъ братъ не умѣющій и подступить къ нимъ. Однакожь подлинно, Французы рѣдкой народъ! Посудите: знатной вельможа вояжируетъ, находитъ необразованную дѣвушку, забываетъ все чѣмъ онъ обязанъ отечеству, славѣ и — остается жить въ семействѣ, съ которыми едва выпилъ чашку чаю и то безъ рому! — Нѣтъ таки, правду сказать, великая нація, великіе люди! Прошу же покорно нашихъ Рускихъ посмотреть: не признаешь, сударь, Графа отъ простаго Дворянина иначе, какъ только по пашпорту, или по бумагамъ; все такъ просто, такъ незамѣливо. Нѣтъ, не скоро мы еще будемъ подобны Французамъ; хотя и крѣпко хотимъ все перенять у нихъ!

Первая наша матерія кончилась обое-
стороннымъ согласіемъ; но для Графа
учительской должности показалось ма-
ло. Разпросивъ о нашихъ доходахъ, у-
жаснулся онъ услышавъ, что мы полу-
чаемъ только по 50 руб. съ шягла. —
Какъ! сказали онъ, мужикъ плашить об-
„рокъ? Нѣтъ, дай все что имѣешь; оно
„все господское какъ и онъ самъ., — И вѣдь
это сущая правда! Иначе мужикъ забу-
дется. Я согласился и въ семь, по манію
жены моей, съ Г. Мусье; а онъ по велико-
душію своему взялся управлять всѣмъ на-
шимъ имѣніемъ. Такимъ образомъ мы ра-
зошлись по своимъ комнатамъ въ совер-
шенномъ согласіи. По утру я здаль ему
всѣ свои записки и наличностію 12.800 руб.
Г-нъ же Баронъ съ своей стороны далъ мнѣ
увѣреніе, что онъ поворошитъ деньгами и
что они у него лежатъ не будутъ. — „Го-
лубчикъ ты мой, воскликнулъ я опъ ра-
дости и поцаловалъ его за ушки, „дѣлай,
„что тебѣ угодно; учоному книги въ ру-
„ки., — Онъ немедленно осмотрѣлъ домъ
и ошвелъ себѣ при комнаты, бывшіе преж-
де моими; а мнѣ назначилъ внизу бу-

Фешчиковъ чуланъ—довольно бы покойной, если бы не было по соседству его к'ашка. Потомъ созвала всю дворню, — приказала барыню называть Мадамъ, Дуняшу Мадемоазель, меня Фалурденъ (*), а себя Мосье де Коинъ. Изъ кучеровъ выбралъ самого ражато и назначилъ дворецкимъ; псарей моихъ произвелъ въ офиц'аншъ,— а изъ деревни 20-ть парней, видныхъ собою, взялъ въ лакеи и разставилъ у каждой двери по три лакея;— умереть надобно со смѣху, какъ онъ ихъ школоить: чуть не такъ затворилъ, или отворилъ дверь— такъ и оплеушина, а подъ часъ и на конюшню. Да правду сказать ужъ въ такой привелъ все порядокъ,— что его больше боялся, нежели меня — своего настоящего господина. Хлѣбопашество хочеть онъ бросить; и въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ мнѣ разсказалъ о трудахъ и времени потребныхъ на полученіе четверти хлѣба;— такъ я ужаснулся, мнѣ прежде объ этомъ и въ голову не приходило. Вмѣсто того предполагаетъ онъ завести кружевную.

(*) Не шопъ ли же Фалалей, да только по Французски — *Falourdin* ? —

фабрику; — и какой доходъ будетъ! Есть кружева по 500 руб. аршинъ; такъ прошу же покорно на хлѣбѣ такой барышъ взять. И такъ, по совѣту Мусье, я закладываю деревнишку; а деньги онъ куда-то помилеть на нитки и машины; — потомъ засажу всѣхъ крестьянъ за кружева и коли въ Успенскую чуть увидите даму всю закупанную въ кружева, — то знайте, что это моя жена. Тысячъ на сто по увѣренію его будетъ и къ продажѣ. Каково это? — Въдъ у меня тысяча душъ обоего пола, да у каждой души по двѣ руки; такъ нѣсколько аршинъ въ день выкинуть — и деньги лопатой гребѣ. — А тамъ со временемъ вѣрно и еще онъ придумаетъ что нибудь къ нашему благополучію.

Что же, подумаете вы, онъ съ Дуняшей сдѣлалъ? — Въ первой день какъ съ ней занялся, собрались мы вечеромъ пить чай; вотъ онъ входитъ съ нею; — она вдругъ отпустила книксенъ — да какой же? — хотя бы первая танцовщица у васъ на театрѣ. Не успѣли мы придти въ себя отъ удивленія, какъ вдругъ она преобстоятельно сказала: — *bonъ соаръ!*...

Слезы радости брызнули въ мою чашку и едва не уронилъ я трубки! — „Велика милость твоя, мусье ле контъ! чѣмъ намъ тебя благодарить,,? — И вообразите; въ одинъ день столько успѣховъ! Но верьхъ его ума и наилучшее дѣло то, что онъ хотя и съ трудомъ,—успѣлъ переработать нравъ жены моей! Между прочими уроками сказалъ онъ ей, что на мужей никогда не должно сердиться, — равно какъ на шуповъ, собачекъ и ш. п. — и чуть ли это не правда? — Теперь, вмѣсто дурака, нѣтъ мнѣ другаго имени, какъ фала — отъ Французскаго фалурдень. Я ничемъ шеперь не занимаюсь; а пошому ни за что и не отвѣчаю. Призываютъ меня только къ столу и чаю. Графъ поминутно говоритъ съ женою, — слѣдовательно ей нѣкогда и взглянуть на меня; и стало быть я остаюсь въ ненарушимомъ покоѣ. Вотъ о чемъ долженъ былъ къ вамъ писать, Мм. Гг. и похвалиться своимъ щастьемъ. Многіе позавидуютъ перемѣнѣ моей участи, хотя жена моя и здравствуетъ. Чтожь? средство извѣстно; пусть умѣютъ имъ воспользоваться. Ишакъ по отпускѣ се-

то письма нахожусь, какъ я и сказала вамъ; а впередъ надѣюсь лучшаго. Мусье де конпъ общаетъ въ скоромъ времени привести меня въ такое состоянiе, какимъ наслаждаются не многiе помѣщики и во Франціи; да обнадеживаетъ, что и Правительство будетъ обо мнѣ знать. То-то человѣкъ! Правда, онъ много заставляешь меня занимать денегъ; но вѣрно воротишь ихъ съ барышемъ. Все беретъ и посылаетъ въ Москву не извѣстно на что; а на вопросъ мой всегда отвѣчаетъ: о! будетъ штука, будетъ штука! Душа моя заранѣе веселится! — Между тѣмъ, обозъ его пропалъ и ни слуху, ни духу нѣтъ. Какъ же, думаете вы, переносить онъ это несчастiе? Хмъ! рѣдко-великодушный человѣкъ! всѣ его деньги, брилліанты, бумаги, все — все пропало; а онъ и не вздохнетъ: да еще и заботится только о своемъ камердинерѣ. — 2000 руб. уговорныхъ за ученiе взялъ уже сполна и послѣ того хотя бы помянулъ о нихъ; конечно, великая душа его не пользовалась изъ нихъ ни одной копейкою.

На первой разъ, пока привезуть ему изъ города новое платье, взялъ онъ мое; взялъ также часы, табакерку и прочія вещицы,— а я хожу въ его сертучишкѣ; за то однакожь обѣщаль онъ мнѣ новую пару. Въ ученіи у него рѣдкая манера: такъ или не такъ,—все хорошо, все хвалятъ и ласкаютъ Дуню; а чрезъ то будетъ она скоро великая мастерица. Во лучшихъ молодыхъ робятъ взялъ еще изъ деревни и заводитъ роговую музыку; говоритъ, что занятъ-ся симъ особенно—есть дѣло Мадамино и ей стыдно, что мужъ ея не при рогахъ обѣдаешъ. И надобно отдать ей справедливость, она много старается исправить сей недостатокъ. Вотъ пришло время, чѣмъ и мы въ чести. А за всеэто обязаны Французу. Въ благодарность ему подхватили и я на старость нѣсколько Французскихъ словъ, какъ видите въ началѣ письма.

И такъ, Месье, вотъ вамъ моя радость! Порадуйте ею и тѣхъ добрыхъ людей, кои принимали во мнѣ участіе. Адье!

Есмь какъ и былъ, только съ небольшою перемѣною:

Фалурденъ Повинухинъ.

15 Апрѣля 1816.

Съ будущей кружевной
фабрики.

Р. S. Вы ничего не говорите о нашемъ согласіи на описаніе исторіи нашего дома; я жъ имѣю шеперь большой досугъ. Почему, принимая молчаніе ваше за согласіе, — примусь тотчасъ за дѣло и скоро пришлю вамъ наставительную Исторію. Повѣрьте, что писать стану не изъ хвасновства; а желая больше всего служить примѣромъ другимъ мнѣ подобнымъ. И если не образумлю ихъ на щотъ щастливой жизни; такъ можетъ быть предосперегу другихъ: ибо знаю, что многіе желаютъ себѣ такого щастія. —

Издатели желаютъ скорѣе видѣть надъ Г. Повинухинымъ выпущенныя Французскимъ Графомъ послѣдствія. А симъ